

Сердце Башни

Автор:

Роман Злотников

Сердце Башни

Роман Валерьевич Злотников

Грон #6

Прекрасный новый мир стал своим. Родным, близким домом, который нужно и хочется защищать от любой угрозы.

Новые друзья и новые враги перешли в разряд старых, но верность тем и другим, нетерпимость ко злу и жажда справедливости по-прежнему не пустой звук для того, кто прошел сквозь смерть и время, оставшись самим собой. Оставшись Гроном.

И когда над шестью королевствами вновь нависает беда, только он способен распутать клубок заговоров и предательств, нить которого теряется в самом центре Запретной Пущи. Там, где высится неприступная доселе Башня Владетеля.

Роман Злотников

Сердце Башни

© Злотников Р. В., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Пролог

Рыжий мужик, заросший косматой рыжеватой бородой, зато с абсолютно лысой башкой, продрался сквозь заросли гигантского бурого дрека и окинул хмурым взглядом мокрое осеннее поле, даже не заставленное, а, скорее, засиженное унылыми копенками, после чего задрал голову к небу и сердито спросил:

– Ну, чо?

Небо некоторое время оставалось абсолютно индифферентным к столь наглому вопросу, но потом, похоже, смилостивилось и сипло ответило:

– А пусто все, дядько Илим.

Мужик хмыкнул, почесал бороду, потом проделал такую же операцию с пахом, затем с задницей, после чего вздохнул и махнул рукой.

– Ладноть, Аксил, слезай, чяго уж там. По такой погоде хрен кто из Змиевки тронется. Любой воз завязнет. Даже ежели в яго пруденских тяжеловозов запрячь, – после чего поправил нагольный полушубок, натянутый, как и полагалось исходя из названия, прямо на голое тело, и, сокрушенно покачивая головой, нырнул обратно в заросли. Но не успели заросли дрека шумно сомкнуться за его спиной, как по стволу возвышающегося на самой опушке леса светлоствольного вяза шумно соскользнуло еще не особенно грузное, но и явно уже не совсем гибкое тело. Хлопнувшись о землю толстыми подошвами уже изрядно поношенных, но все еще крепких сапог, верхолаз окинул хмурым взглядом открывающуюся взору унылую картину, смачно сплюнул, и, зябко вздрогнув, нырнул в заросли.

Аксил разбойничал уже четвертый год. Все началось еще во время той войны. Ну... той, вы поняли? Ну, когда его милость принц-консорт Агбера прижал к ногтю покойного ныне короля Насии Иркая II, да хранят боги его душу в своем

пресветлом чертоге... И не сказать, чтобы подобная жизнь ему не нравилась. Нет, поначалу-то у него не было никакого желания подаваться в разбойники. Отец Аксила был обычным крестьянином, причем, из зажиточных, потому что имел в хозяйстве ажно шесть покупных вещей из металла – топор, серп, наконечник сохи, нож, шило, сковороду и чугунок. Такое богатство позволяло ему свысока посматривать на соседей и, время от времени, иметь от сдачи «в пользование» некоторых из этих дорогих вещей кое-какой прибыток.

Так, по осени, он сдавал в пользование шило за большой хлебный каравай в день, а по весне и того дороже – за малую меру зерна. Ну, то есть такую, из которой получалось муки аккурат для выпечки пары караваев (что составляло как раз одну загрузку обычной местной крестьянской печи). И брали. А куды деваться-то? Без шила ни упряжь толком не починишь, ни обувь. А без того и другого как по весне работать-то? Это летом все в поле босыми ходят, а весной, по слякоти и холодной земле – мигом лихоманку подхватишь. А костяным шилом это делать – столько мороки... Да и не всякую кожу оно возьмет. Вот и сговаривались с отцом Аксила даже на такую немалую цену. Так что затраты на покупку железного шила, по поводу которого у отца Аксила поначалу были бо-ольшие сомнения, удалось отбить быстро. Тем более что по весне зерно мало у кого было в наличии, поэтому с оплатой, частенько, сговаривались на осень. Но, естественно, с прибытком – то есть уже не за меру зерна, а за полторы...

Сковорода же с чугуном служили главной причиной того, что когда до их деревни добирался торговый караван, в полуземлянке семьи Аксила непременно останавливались на постой возницы или охранники. Купец-то завсегда ночевал в доме у старосты, а вот возницы и охранники расселялись по всей деревеньке, но при этом кто-то непременно выбирал обиталище их семьи – все караванщики привыкли к «господской» еде, для которой непременно нужна была такая посуда для готовки, как сковорода и чугунок... Впрочем, злые языки говорили, что дело не столько в господской еде, сколько в том, что хозяйка дома оказывала постояльцам и кое-какие услуги окромя стирки и готовки.

Правда, Аксил в это не верил. Ну, то есть не то чтобы этого вовсе не было – в одном же помещении ночевали, что там творилось за занавеской, Аксил если и не видел, то уж слышал вполне хорошо, но дело совершенно точно было не в этом. К жене Хромого Трыгна те же возницы и наемники так же частенько захаживали. И к вдове Пульне. И... да к половине деревни, если так посчитать. А кому в деревне денга лишняя? Караванные же платили именно деньгами,

а не меной, как это было в обычае между крестьянами. Так что некоторые пылкие селянки успевали за время пребывания в деревне каравана себе на платок городской заработать и тут же его купить... Ну, те, у кого мужья рохлями были и вовремя медь из бестолковых жениных ручек не изымали.

Однако никто из возниц или наемников ни у Хромого, ни у Пульны, ни у большинства других на постой не становился. А у них – завсегда. И за постой они платили куда как щедро – по медяку за ночь. А ведь у Слима и Попереда-бобыля те же караванщики квартировали из расчета медяк за две ночи! Хотя, скажем, у Попереда-бобыля жилище было попросторнее... Ну и за утечи мать Аксила так же слуплиwała с караванщиков по медяку за раз. А поскольку была она, несмотря на рождение нескольких детей, бабенкой еще вполне ядреной, так сказать, в теле, одним разом дело, как правило, не ограничивалось. К полному удовольствию отца Аксила, потому что за время стоянки каравана жена приносила отцу Аксила доход едва ли не вчетверо больший, чем предоставление караванщикам ночлега и пропитания. Причем, почитай, безо всякого убытку: от бабы-то не убудет, ежели ей кто воспользуется. Ей-то всего и делов – лежи себе на спине, ноги раскинув, да покряхтывай. А денежка – в семью... Впрочем, совсем-то уж сраму отец Аксила не допускал: следил, чтобы баба непотребным делом только в рубахе занималась и, после ухода каравана, как и остальные мужики, старательно отхаживал накувыркавшуюся всласть с караванщиками супругу поленом. Ну, чтобы знала свое место, и мысли о каком блюде из головы вышибить. С караванщиками-то не блуд, а заработок, это ж всем понятно, а вот ежели у кого супруга забесплатно начнет по деревне мужикам под бок лезть – позору не оберешься.

Так что благосостояние семьи Аксила росло как на дрожжах, благодаря чему он слыл в деревне весьма завидным женихом. И будущее его, как ему тогда казалось, было ясным и безоблачным. А чего тут думать-то? Аксил был старшим, так что все отцово хозяйство переходило по наследству именно ему. Ну, вроде как.

Двое средних детей были девочками, так что никаких проблем с их стороны Аксилу опасаться не стоило – землю-то за бабами никто в здравом уме ни давать, ни требовать не будет. Их приданое, по обычаю, составляли рухлядь и мануфактура – ну там всякие рушники, простыни, отрезы самотканого полотна, наволочки, матрасы и наматрасники и все такое прочее. Конкретику мало кто из мужиков знал, потому что это было чисто бабской епархией. Вот они-то

как раз все это отслеживали очень четко: у кого, сколько и какой тонкости работа, после чего выносили безапелляционное решение – добрая жена будет или неумеха. Причем, разница между «доброй» и «неумехой» зачастую составляла всего-то локоть-другой самотканого полотна или пару рушников... Ну а ежели кто хотел сильно шикнуть, то либо добавлял поверх традиционного объема приданого чего-нибудь навроде овечьего тулупа или заказывал столяру из Транкерта, соседнего то ли большого села, то ли уже маленького городка широкую деревянную кровать. И такие невесты уже считались с о?о?очень богатым приданым...

А четвертый из детей, последыш, хоть и был мальчуганом, так что имел право претендовать на какую-никакую справу, но пока, по малолетству, также был неопасен – между Аксилем и его младшим братом было почти одиннадцать лет разницы. Да Аксил жениться успеет, прежде чем младшенький в разум войдет. Да и войдет ли – тоже бабушка надвое сказала.

Мать-то, эвон, девять раз от бремени разрешалась, а выжили покамест всего четверо. То есть на самом деле пятеро: вторую-то дочку батя купцам продал, едва только ей семь лет исполнилось. За соль. В конце лета. И ей-ей не прогадал. В тот год зима очень суровая была, и по весне у них хлеба совсем уже не осталось. Молодые сосновые ветки ели. А ежели б еще один рот в зиму был, так и кто знает – выжили бы или нет.

А если еще вспомнить, что та соль, которую ушлый глава семейства тогда взял с торговца за дочь, как раз и позволила отцу Аксила, которому свезло по осени наткнуться на пропоровшего себе брюхо в буреломе и издыхающего медведя, хорошо «по-барски» засолить и закоптить медвежьи окорока, на выручку от которых и было куплено в последнем осеннем торговом караване все то «железное» богатство, которое и обеспечивало ноне непрерывный рост семейного благосостояния, то эту «инвестицию» следовало признать очень и очень выгодной...

Но речь не об этом, а о том, что никто в здравом уме и твердой памяти не мог поставить даже медяка за то, что младшенький сумеет дожить до того возраста, когда будет иметь шанс вякнуть что-то насчет его доли наследства. Поэтому Аксил и не волновался. Владетель не попустит... ну а ежели все же и проглядит, так что мешает ему немного помочь и исправить невольную несправедливость. Ну, там, неловко двинуть бедром, когда младший братишка идет краем косогора, или слегка попридержать его голову под водой во время купания.

Да мало ли какие неприятности с этим мелким могут в жизни случиться...

До временного лагеря ватаги Аксил добрался быстро. Тот располагался всего в трех сотнях шагов от дороги в небольшом овражке, поросшем орешником и бузиной. Ничего особенного он собой не представлял – несколько нор, выкопанных в глинистом склоне овражка, навесы над входами, служащие не столько даже защитой от дождя, сколько фильтрами дыма небольших костерков, разложенных прямо перед норами, да подкопанные ступени на крутом склоне. Последние были необходимы, поскольку, если спуститься по склону на дно овражка еще было как-то возможно (кубарем, например), то подняться из него наверх без помощи посторонних или без подобных ступенек никак не получалось – уж больно крутые склоны были у этого овражка.

Дозорного встретили хмуро.

– Ну чяго, никакого не видзел? – визгливо поинтересовался Пупень, выходец из Кагдери, прибившийся к ватаге полгода назад, во время налета на нищий переселенческий обоз. Их ватага тогда только неделю как вырвалась из клещей, устроенных ей егерями, которые «унасекомили» ее более чем на три четверти. Так что силенок на то, чтобы потягаться с охраной купеческих караванов, у них тогда не было, а жрать хотелось. Уходить-то пришлось налегке, оставив в лагере не только всю жратву, но еще и все захоронки. Почитай, в чем были ушли... Да еще потом аж пятеро суток петляли по лесу, пытаюсь оторваться. Слава Владетелю, большая часть ватаги в момент атаки на лагерь рванула в разные стороны, так что у егерей просто не хватило сил на то, чтобы организовать преследование по всем направлениям. Только потому и ушли...

Как бы там ни было, ни на что более, чем переселенческий обоз, у них в тот момент сил не было. Да и на тот могло бы не хватить, окажись в нем побольше мужиков... ну или если бы те мужики, которые случились в его составе, оказались бы более смелыми. Хотя откуда? Кто ж нормальный со своей земли вот так просто снимется и отправится туда, где ни разу не был? Только ежели с перепугу, да еще если неумехи какие, дома нормально не устроившиеся... Так что три десятка мужиков дюжине почти поголовно раненых разбойников никакого сопротивления не оказали. Поэтому с переселенческим обозом поступили непривычно гуманно.

Нет, ограбили, конечно. И бабам всем юбки позадирали – ну, которые на рожу не совсем страшные были... Хотя кто их тогда особенно разбирал-то: не старуха, есть за что подержаться – на тебе в ухо, чтоб шмякнулась поскорее, а потом подол на голову и поехали! Но убили всего троих. И не потому что эти трое какое-то сопротивление оказали, а потому что так положено. Налет же – как тут без смертоубийства? Ну и припугнуть, чтоб когда баб пользоваться будут – ни у кого из мужиков никакой глупой мысли в голове не возникло. А то ну как кому моча в голову ударит...

Вот аккурат после того, как изрядно поредевшая ватага, собрав все нашедшиеся продукты и увязав в узлы ту часть скудной рухляди, которую они решили все-таки посчитать достойной назваться добычей, Пупень и подал голос. Попросился с ними. А его взяли, потому что узлов с добычей оказалось несколько больше, чем они смогли бы унести. Им-то после егерей любая тряпка в доход была... Вот лишние узлы на Пупня и нагрузили. А чего: сдохнет – так не свой, а не сдохнет – так на что-нибудь пригодится. Хотя бы на то, чтобы когда их очередной раз егеря прижучат, какого-никакого егеря на себя отвлечь...

– Не видел, – зло бросил Аксил. Вот ведь тупой! Ну, ясно же, если вместо сигнала на выдвижение к дороге, он сам с дозора вернулся – значит никакой добычи не появилось.

– Ох-хо-хонюшки, – вздохнул Пупень, – сядзмицу уже някаго не имае. Совсем стылко...

На это ответа не требовалось. Поэтому Аксил молча добрался до норы, в которой он обычно проводил ночь, и улегся на травяную подстилку. Да уж, совсем плохо с добычей последнее время стало. То ли дело раньше...

В ватагу он попал случайно. И, почитай, так же как Пупень.

Сейчас уже никто не сможет установить, были ли остатки той оноты, что налетела на их деревню, одной из тех, которые привел со своим войском на землю Насии принц-регент Агбера, либо наемники сражались в той войне за короля Иркая. Да и неважно это было по большому счету. А важным было то, что, к тому моменту, когда солдаты этой оноты добрались до деревеньки Аксила, они уже дошли до крайней степени истощения и, чего уж там,

ожесточения, а судя по их виду, бежать им пришлось прямо с поля боя. Никаких припасов у них с собой не было, зато раны, кое-как перехваченные грязными тряпками, как раз наоборот, имелись в полном ассортименте. Так что грабить и убивать они начали сразу же, с окраины.

Аксил с отцом в тот день поехали за дровами, так что к тому моменту, когда они вернулись, все уже было закончено... Ну как закончено – младшенький валялся на пороге дома с окровавленной башкой, а из сенника и овина неслись взвизгивающие всхлипы сестер и постанывания матери. Причем, как Аксил сейчас уже, набравшись опыта во взаимоотношениях с женским полом, понимал, постанывания были не то чтобы очень-то и расстроенные. Ну да когда у них квартировали караванные, мать, бывалоча, и восьмерых за вечер обихаживала. Кто ж в здравом уме от лишней денежки в семью откажется? А вот сестрам явно приходилось тяжело – мелкие они еще были... Отца тут же, у ворот, сразу же «обрадовали» по башке, и он растянулся у забора. Впрочем, как Аксил нонеча думал – не столько даже от того, что так уж сильно прилетело, сколько чтобы укрыть своим телом дорогой железный топор. С остальным-то нажитым непосильным трудом (и удачными спекуляциями) добром точно можно было попрощаться, а вот сохранить топор шанс еще был, поскольку большинство наемников было либо занято с женской половиной семьи, либо таскало приглянувшееся добро на стоявшую прямо посреди двора отцову телегу, в которую была запряжена отцова же лошадь... Аксил же удостоился пары оплеух, которые почти вышибли из него дух, после чего кто-то из налетчиков рывкнул:

– Ты, Гриб, лучше бы ребятам узлы таскать помог, чем ету соплю охаживать.

– Я ж с лошадьми! – отозвался пузатый наемник, засветивший Аксилу по роже.

– Ни с лошадьми, а с лошадей, – поправил его все тот же голос, – с ней-то как раз соплю и оставь. Лошадь-то аккурат с евойного двора. Так что он получше тебя с ней справится. А сам – марш в левый двор. Не дай Владетель, агберские драгуны объявятся...

Наемник, которого обозвали Грибом, услышав такое предположение, охнул и осенил себя обережным знаменем, после чего недоверчиво покосился на Аксила.

– А не сбежит?

– Я кому сказал – марш! – взревел его собеседник. Похоже, он имел право отдавать команды, потому как пузатый Гриб сунул в нос (да-да, не под нос, а прямо в нос) Аксилу свой волосатый кулак и грозно пророкотал:

– Смотри у меня! – рысцой потрусил в соседний двор. Аксил же поежился, утер кровяную дорожку, образовавшуюся под носом, и, вжав голову в плечи, полез на деревянный дын, положенный на борта в передней части телеги и заменяющий облучок...

И – да, у отца с топором все получилось: когда Аксил через полчаса покидал родимый двор, отец все так же валялся у ворот, изо всех сил изображая, что сознание к нему еще не вернулось, так что до топора никто из налетчиков так и не добрался... Но самым неприятным воспоминанием того дня, до сих пор вызывающим у молодого разбойника приступы дикой злости, было то, что когда они уже выехали за ворота, младшенький, все это время провалявшийся на пороге их полуземлянки, внезапно тоненько застонал и сел, обеими руками держась за покрытую запекшейся кровью голову. И Аксил понял, что все хозяйство, да, пусть ныне разоренное, лишившееся дорогих железных вещей (ну, кроме топора), лошаденки, телеги, скарба и рухляди, но все равно, все хозяйство, которое ранее он уже считал своим, достанется вот этому сопливому недоумку – его братцу. И вот эта страшная жизненная несправедливость так сильно его огорчила, что он не выдержал и, прикусив губу, тихонько завыл от обиды. Ехавший рядом Гриб покосился на него и отвел руку, чтобы отвесить ему очередную оплеуху, но... затем отчего-то передумал и просто шмякнул его по спине.

– Не вой, сопля, ты еще даже не представляешь, как тебе повезло...

И сегодня Аксил был с ним вполне согласен. Ему действительно повезло. Ну что его ждало, останься он в своей деревеньке? Через год-два он женился бы на Кусяньке, своей погодке, дочке такого же, как отец, «зажиточного хозяина» Бумира, получив за ней в приданое кроме рухляди огромную кровать, каковую Бумир уже заказал столяру. После чего, как и отец, как и дядька Бумир, как и вообще все остальные соседи, начал бы регулярно подкладывать ее приезжим возчикам с каравана, заботливо укладывая в ухоронку заработанные жениным «передком» медяки и мечтая накопить их столько, чтобы купить себе какое-нибудь немислимое богатство, типа цельнокованой лопаты или железной

мотыги. При этом своего хозяйства до смерти отца ему все одно было бы не видать – так и продолжал бы горбатиться на батяню и получать от него пинки и оплеухи, пока тот не помер бы. Ну, или, не ослаб настолько, чтобы более не выходить в поле.

Крестьянская жизнь – она такая. Пока сам в поле выходишь – глава семьи и хозяин, а как сил за сохой идти не станет – так марш на полати, и не мешаться тут под ногами у нового хозяина... Но батя покамес, еще вполне в силе, так что ждать сего момента можно до морковкина заговения. Ну, ежели оный момент как-то не поторопить...

Но после того, что Аксил повидал в ватаге, его такая жизнь теперь уже никак не прельщала. Одно то, что он держал в руках не медь, а серебро, уже делало его по меркам деревни настоящим богачом. Ну не видит крестьянин серебра в руках, особенно в таких далеких, глухих деревеньках, как та, в которой вырос Аксил. Не бывает его в тех местах. Даже ежели крестьянин и покупает какой товар, за который имеет смысл платить серебром, все одно он либо медью расплачивается, либо, да и даже чаще всего, берет его на обмен: за зерно, шкуры, копчения, сушеную ягоду аль грибы. Дашь на дашь. Как отец железные товары брал – за медь и копченые медвежьи окорока, да еще и орехами с сушеной ягодой доложил. В тот год они с сестрами много насобирали...

А каких баб ему удалось за это время попробовать! Он таких в деревне и не видел никогда. Особливо ему нравились купеческие дочки. Сладкие, мягкие, пышные... И не особо буйные. Нет, попервоначалу, когда только за подол ухватишь – орут так же, как все остальные, зато когда уж... это... ну-у... того – так только повизгивают и стонут. Ну, или дышат. Шумно и жарко. И руки у них куда мягче, чем у крестьянок. И пятки тоже... А вот дворянки не понравились. Во-первых – худые. Во-вторых – злющие. И дерутся. Даже когда уже того... Одна его как-то даже за сосок укусила. Бо-ольно. Рубаху на груди порвала и как зубами – хватать! Ох, он и взвыл тогда... и кинжалом ее ткнул. А после получил по ушам от атамана. Тому как раз такие буйные больше всего по душе были. Ну любил он, когда бабы под ним орали и дергались...

Так что с тех пор Аксил старался дворянок обходить. Уж лучше какую крестьянку завалить, нежели этих бешеных. Пусть с ними лучше вон дядька Илим развлекается, даром что сам едва благородным не стал. Ну, как говорит. Мол, ему, в случае победы, дворянскую грамоту обещали. Как и всем остальным онопьярам. Но не свезло... А нам и купеческих хватит.

В этот момент кашевар заколотил ложкой по краю большого казана, в котором варилась похлебка, и ватажники, до сего момента в основном валявшиеся по норам, полезли наружу.

– Савсэм никаго нэ видель? – поинтересовался у Аксила, когда тот, набрав в миску похлебку, уселся обедать, бородатый южанин по имени Углуз, появившийся в банде после налета на караван каторжников около года назад... Тогда они налетели на этот караван для того, чтобы отбить несколько своих ватажников, попавших в руки судейских, когда они повезли рухлядь в город скупщикам краденого. По слухам, кто-то из купцов углядел на их телеге свой товар, который пропал из разграбленного ватагой купеческого каравана, и вызвал стражу... Ватажников тогда удалось отбить. Но как раз после этого им на хвост сели егеря – вследствие чего довольно скоро от ватаги остались рожки да ножки. Потому-то атаман Илим и принял решение уходить на новые места. Да куда подальше – в глушь, рассчитывая, что уж здесь-то их егеря искать не будут, и им удастся отсидеться. И оказался прав. Егеря-то не искали, но и добычи здесь тоже почти не было. За два последних месяца взяли всего дюжину одиночных телег и один скудный торговый караван, типа тех, которые когда-то ходили в родную деревню Аксила. А нынче, судя по не слишком-то густому навару сегодняшней похлебки, и с дичью в окрестном лесу так же начались большие проблемы. Повебила ватага дичь.

– Нет, – коротко отозвался Аксил и зачерпнул ложкой похлебку. Углуз тяжело вздохнул и помотал головой. Аксил едва заметно, насмешливо скривился. Южанин был одет в крестьянские обноски и последние пару недель отчаянно мерз. И это сейчас! А что будет, когда погода окончательно испортится?

– Ну что ж, братья, – солидно начал атаман Илим, когда большая часть ватаги наелась. – Думать надо, что нам теперь дальше делать.

– Уходить надо... – тут же закричал кто-то, и тут же все остальные загомонили: – Нечего здесь сидеть... Точно... Ни серебра, ни хабара, ни рухляди... А ведзь зяма скоро... Голы-босы ходим...

Атаман некоторое время молча слушал эти многочисленные выкрики, а затем эдак солидно, на весь овражек вздохнул и почесал башку.

– Ну, эт-то ясно, – тут атаман снова вздохнул. – Уходить-то нам по-всякому надоть. Но вот куда? Тут Пупень правильно сказал – зяма скоро. А мы свое серебро уже прожили. Да и с рухлядью тоже не все ладно. Ни у кого, почитай, зимнего нету...

Это было правдой. По ватажым традициям зимнюю рухлядь по весне следовало скинуть скупщикам, а полученные деньги – пропить. Потому как ватажная доля такая: никто не знает – доживет ли он до будущей осени, либо сложит буйну голову еще летом. Да и вообще, кто его знает, что с зимней рухлядью летом случится. Мож спортится – в лесу же сундуков для одежды нет, а мож бросить придется, если стража или егеря прижмут. Да и даже если и ничего с ней не случится, ее что, все лето за собой из лагеря в лагерь на своем горбу таскать? Глупость какая! Так что как только нужда в зимней одежде пропадала – пропадала и она сама. Ну а как в ней снова нужда появлялась – она и появлялась. По-разному: кто покупал на снятое с жертв серебро, а кто и этим не заморачивался, предпочитая снять необходимое с трупов караванщиков очередного купчика. Ну, или с самого купчика.

– ...так что прежде чем нам на зимнюю лежку уходить – все одно надобно караван-другой брать. Вот я и спрашиваю – куда пойдём? – подытожил атаман.

И ватага призадумалась. В принципе, идти было куда. В двух дневных переходах на восток по той дороге, у которой они ныне обретались, располагался не то чтобы очень большой, но и не совсем маленький городок Батрум. Туда идти было, в общем, безопасно. Городок, как уже упоминалось, был не очень большим, и потому ни постоянного гарнизона, ни, уж тем более, команды егерей не имел, так – местное ополчение. Ватаге в его окрестностях ничего особенно не угрожало, но и добычи там тоже особенно богатой быть не могло... Нет, зимнюю рухлядь там раздобыть было можно. Да и даже очень просто. В ватаге ныне насчитывалось уже почти четыре десятка разбойников, так что им достаточно было просто подойти к воротам и требовать с городка все необходимое в виде откупа.

Нет, полной уверенности в том, что непременно дадут, конечно, не было, но, как правило, такие городки старались со столь крупными ватагами отношений не обострять, а откупаться. Ну, а если заупрямятся... что ж, ватаге достаточно было засесть в близлежащем лесу и пощипать дюжину-другую везущих в городок свои товары окрестных крестьян, и все упрямство у городского совета, как правило, мгновенно проходило. Ну не может город существовать

без торговли с окрестным населением! А какая может быть торговля, ежели что пешие путники, что крестьянские телеги до городка добраться не могут. И конвой ополчения из городка не отправишь. Во-первых, непонятно куда – кто его знает, в какой из местных деревенок народ нынче в город собирается. Здесь же не Агбер, где, как говорят, голубиной почтой все, кто ни попадя, от аристократа до крестьянина, могут воспользоваться. Да и там, скорее всего, до деревень эта почта еще не дошла, хорошо, если все города охватила... Во-вторых – это ж ополчение. Они ж все там отнюдь не воинским ремеслом на жизнь зарабатывают. Им даже на пару дней от своих лавок и мастерских оторваться – значит деньгу потерять! Нет, ежели ватага, либо еще какой супостат, под стены городка подойдут, так ополчение обязательно на стены полезет. А вот идти куда-то, да защищать кого-то, кто еще и не из их городка... очень сомнительно. Не для того городское ополчение предназначено.

Так что, если прикинуть одно к другому и разделить на третье... скорее всего, Городской совет откупится. Все одно меньше потеряет, чем если ватага на пару седмиц около Батрума задержится и на все это время торговлю городу порушит. Дешевле выйдет...

Но этот вариант ватажникам не шибко нравился. Да, простой. Да, безопасный. Но и полунищий какой-то. А на что осенний загул устраивать? Это ж святое дело – перед тем как засесть на какой-нибудь мызе или на дальнем хуторе, заявиться в какой-нибудь город и устроить буйный загул. И обязательно за деньги! То есть полностью оплачивая все съеденное, выпитое, шлюх, сломанную мебель, разбитые морды и так далее... Впрочем, у Аксила было предположение, что дело не столько в том, что непременно оплата была такой уж фишкой. Просто ежели в городе не платить, тебя быстро выкинут. И это в лучшем случае. А то можно еще и очень просто угодить в какую-нибудь городскую каменоломню – долг отрабатывать. Это тебе не в придорожном трактире бражничать, городская стража вмиг вразумит... Но все равно, сам факт того, что ты, все лето ныкавшийся по лесам и увалам, грабивший людишек и бегавший от стражи и егерей, вот так гордо сидишь за столом и швыряешься серебром, сильно грел разбойничьи души. Поэтому осеннего загула хотелось всем.

– Атаман, можа того, к Зублусу двинем, на тракт? – робко предложил кто-то.

– Ты чего, совсем опупел?! – заорали на него. – Ты еще в Загулем предложи сунуться!

– А я чего, я ничего, я так, предложил просто...

– Хм?м?м, – задумчиво протянул атаман. И все тут же замолчали. Илим некоторое время сидел, молча морща гладко выбритый череп, а затем снова произнес:

– Хм-м... к Зублусу, говоришь? А что, можно попробовать.

– Так это, атаман, там же это... Зублус же под онотой... ну-у... регента Агберского... – робко протянул кто-то.

– И что? – усмехнулся атаман. – Сколько там от той оноты-то? Сотня? Ну, две? Оноты-то той уже даже в Загулеме хрен да ни хрена. Регент свою оноту уже давно по всяким делам раздергал. Так что все в тех краях на их старой славе держится.

– Дык не на пустом месце слава-то образовалася, – опасливо произнес Пупень. – Да и нам ня то, что сотни, нам и полусотни на всех хващиц. С галавой.

– Эт точно, – согласно кивнул головой атаман. – Да только у них там уже который год тишь да благодать. Никто не шалит. Так что навряд ли, я думаю, онота шибко патрули рассылает. Незачем... А вот караваны там жи-ирныя ходят. Ой, жирныя. Там, коль повезет, и без хабара обойтись можно. Одной караванной казны на осенний загул хватит. Так что поднимем столько, что осенний загул хоть в Агбер-порте отгулять сможем.

Ватажные возбужденно загомонили. Нет, к последним славам атамана все отнеслись как к хвастовству. Лезть в пасть даже не к волку, а к самому, считай, костяному псу, за какового в среде разбойников почитали регента Агбера... нет такого приключения нам не нать. А вот за один налет поднять столько, чтобы это стало возможным хотя бы теоретически... это да. Это славно.

– Так что, братья, любо вам мое решение? – чуть возвысив голос, чтобы перекрыть начавшийся гомон, спросил атаман.

– Любо!.. Так ест!.. Задесц!.. – слышалось вокруг.

– Ну а раз так... – тут атаман сделал паузу, огладил бороду, нарочито передернул плечами, как бы показывая, что ему зябко, и задумчиво произнес: – Значит седни можна и чуток согреться. Ну, коль мы все...

Закончить ему не дал восторженный рев, после которого сразу несколько ватажников вскочили на ноги и бросились к дальнему отнорку, расположенному рядом с той, даже не норой, а уже вполне себе небольшой пещеркой, в которой квартировал атаман. Потому что именно там был сложен «общий хабар», доли от которого должны были распределяться после его продажи, в состав которого входили и запасы спиртного... Илим был опытным атаманом и потому держал спиртное под жестким контролем. В ватаге было установлено жесткое правило, согласно которому пока ватага находилась во временном лагере неподалеку от дороги, пить было категорически запрещено. Впрочем, ватажники относились к этому с пониманием – не хватало раскрыть засаду на жирный караван вследствие того, что кто-то из ватажников не вовремя заорет по пьяни...

Пьянка началась сразу же и с энтузиазмом. По рукам пошли бурдюки и глиняные бутылки с вином и настойками, а сам атаман откупорил себе стеклянную емкость с агберским «коньяком». Из чего делался этот напиток, руку к созданию которого, по слухам, приложил сам регент, никто точно не знал, но этот самый «коньяк» уже давно считался напитком аристократии. Уж больно был духовит и заборист.

Аксилу досталось не много – где-то с полбутыли кагберского. Остальное высосали старшие, так сказать, товарищи. Впрочем, Аксил не был этим особенно расстроен, поскольку вино не сильно жаловало. Его с него жутко пучило – чаще если пил на пустой желудок. На полный он мог себе позволить выпить немного. А вот Пупень наклюкался в сисю. Впрочем, он на это дело был слаб, и чтобы ужраться вусмерть ему было достаточно одной бутылки.

– Ты?ы?ы... маа-адой, – едва шевеля языком, поучал он парня, – стааших суушать доожон... а ты... ето... нетути... неетути в тебе ето... ув... уважж... ик... – Пупень вздрогнул всем телом, нахмурился, но собрался с силами и закончил-таки: – Уважжжения у тебя неее... ик... – похоже, последние слова окончательно исчерпали силы ватажника, потому что, закончив предложение, он еще раз грозно икнул и упал рядом с костром. Аксил усмехнулся и сделал глоток из почти опустевшей бутылки. И в этот момент его хлопнули по плечу и негромко произнесли в ухо:

– Иди за мной.

Молодой разбойник молча вскочил и двинулся вслед за своим атаманом, который не торопясь шел сквозь возбужденную толпу ватажников, благосклонно кивая на восхищенные выкрики в свою сторону, раздававшиеся со всех сторон.

Илим остановился у входа в свою пещерку и, окинув взглядом гудящий бивуак, молча мотнул головой, приглашая Аксила войти внутрь.

– Значит так, молодой... – прищурившись начал атаман, когда они устроились на охапках сена в дальнем от входа углу пещерки, – завтра поутру двинешь в Зублус. Там остановишься в... – где ему нужно было остановиться, Аксил так и не успел узнать. Потому что атаман внезапно оборвал свою речь и замер, прислушиваясь. Молодой ватажник тоже невольно прислушался. Потому что гулкий гомон, повисший над бивуаком, внезапно стих, и снаружи пещерки повисла полная тишина. Но ненадолго. Прошла всего пара мгновений, и снаружи послышался тонкий, дрожащий возглас. Вернее даже не возглас, а выдох:

– Бездушные...

Часть I

Бесплодные поиски

1

– Благодарю вас, граф, ваш доклад был, как всегда, просто блестящим, – благодарно кивнул Грон.

Граф Эгерит улыбнулся и, закрыв папку, опустился на свое место. Грон окинул взглядом всех сидящих за большим столом и спросил:

– Итак, у кого есть вопросы?

Вопросов не было.

- Тогда, благодарю вас всех и не смею больше задерживать.

После этих слов все сидевшие за столом задвигали стульями, поднимаясь и обмениваясь негромкими фразами. Грон, сидевший во главе стола, так же поднялся с кресла и, коротко кивнув расходящимся, нырнул в небольшую дверь, находившуюся сразу за спинкой его кресла. Там находился его рабочий кабинет, примыкавший к зале для совещаний, в которой только что закончилось текущее заседание кабинета министров.

В рабочем кабинете его ждал Шуршан.

- Ну, чем порадуешь? - устало поинтересовался Грон. Шуршан вздохнул и повел плечами.

- Понятно... - крикнул Грон, усаживаясь за свой рабочий стол.

- Мы уже и соседние Владения прошерстили, - уныло произнес Шуршан, - ну никаких следов!

Грон едва заметно скривился и тихо произнес:

- Ищи, Шуршан, ищи. Он нас в покое точно не оставит. Я не понимаю, почему он еще не нанес удар. Что он готовит? По ком собирается бить?

О том, что Черный барон жив, Грон знал совершенно точно.

После того, как они вошли в Дагабер, Грон договорился с графом Ормералем о том, что ставит в Либвэ свой гарнизон. Кое-кого, считающегося в тот момент королем, то есть сына покойного короля Насии, принявшего имя Гаделя III, они с графом об этом в известность, естественно, не поставили. Все равно Ормераль, опираясь на папочку, найденную в архивах Черного барона, и показания Ширгуша, данные перед дворянским судом, собирался вскоре отстранить его от власти... И, как выяснилось, не зря.

* * *

Не успели еще победоносные войска Агбера двинуться в сторону своих границ, как у ворот этого замка появилась некая персона. Сразу идентифицировать ее не удалось, но, похоже, это был какой-то тип, разок-другой мелькнувший в свите нового короля. Он подъехал к воротам и требовательно постучал в них.

– Эй, Игануб, это я – барон Даклеви, открывайте уже! – раздраженно взвизгнул он. – Вот ни за что не поверю, что твои псы не заметили нас еще при подъезде.

Но ворота оставались закрытыми. Тип некоторое время подождал. А затем вытащил кинжал и раздраженно заколотил в ворота его рукояткой.

– Ну, открывайте же, раздери вас Владетель! Я прибыл по велению короля.

После этих слов за воротами послышался негромкий лязг, и створка вделанной в ворота калитки чуть-чуть отошла в сторону. Барон недоуменно уставился на приоткрывшуюся калитку, после чего побагровел и возмущенно вскричал:

– Вы что там, с ума сошли? Я что, должен слезать с коня и протискиваться в эту вашу щелку? А ну немедленно откройте ворота!

– Приказ Черного барона, – негромко прогудели из-за калитки.

Эти слова оказали на его милость барона Даклеви просто волшебное воздействие. Он мгновенно заткнулся и поспешно соскочил с седла, всего лишь пробурчав под нос:

– Да тише вы, не орите! Не дай Владетель, кто услышит... – после чего нырнул в калитку.

– Хм, а где Игануб? – озадаченно спросил он Гаруза, одетого в комбинезон баронских выкормышей и накинувшего на голову пристегнутый к нему глубокий капюшон, который встретил его за калиткой, когда они прошли через темную арку ворот и вышли на освещенный солнцем двор.

– С караваном ушел, ваша милость, – отозвался Гаруз, с крайне предупредительным видом следуя справа от высокопоставленного посетителя, чтобы контролировать его ведущую руку. Ибо кто знает, какие дурные мысли могут прийти в столь гордую и высокопоставленную башку?

– А барон Гуглеб, значит, пока еще здесь, – Даклеви покачал головой. – Неосмотрительно, неосмотрительно... Его ищут по всему королевству, – барон изобразил на лице неодобрительную мину, но ее почти сразу же сменило выражение предвкушения.

– Эй, как там тебя, а игрушки господина барона тоже здесь?

Гаруз неопределенно хмыкнул.

– Надо будет попросить господина барона, позабавиться, – мечтательно произнес Даклеви, ныряя в низкую дверку, ведущую в подземную галерею, к камерам.

– А девочки там есть? – нетерпеливо поинтересовался он, спускаясь по узкой винтовой лестнице. И доверительно сообщил: – Люблю развлекаться с девочками. Лет до десяти. Они все такие... такие нежные, худенькие, голоски звонкие и так визжат... – барон аж причмокнул от удовольствия. – И косточки совсем тоненькие. Хрустят, м?м-м?м...

Гаруз, уж на что привычный ко всякому, и то почувствовал, что у него к горлу комок подкатывает. Едва сдержался от того, чтобы развернуться и ухватить этого... это... это смердящее дерьмо за его цыплячую шейку. Но сдержался-таки – пока делать это было рано.

Спустившись в подземелье, Гаруз повернул направо и двинулся вдоль длинного ряда камер, закрытых добротными дверями. Барон несколько приотстал и принялся старательно вслушиваться, похоже, пытаясь распознать, за какой из дверей находятся так лакомые для него девочки. А затем, так и не поняв этого, поскольку из-за дверей не доносилось ни звука, остановился и шагнул к ближайшей двери, протянув руку к маленькому зарешеченному окошку, через которое надзиратель обычно приглядывал за заключенными, в настоящий момент закрытому небольшой сдвижной створкой. В принципе, в том, что он заглянет в камеру, ничего особенного не было – ну может ж в тюремном блоке

быть одна-две пустых камеры, не так ли? Но Гаруз решил не множить лишние вопросы и остановил барона Даклеви легким покашливанием и сиплым напоминанием:

- Вас ждут.

- Э-э, барону уже доложили о моем приезде? – несколько озадаченно спросил Даклеви, остановив руку всего в паре пальцев от задвижки окошка.

- Да, как только заметили, – кивнул Гаруз, чувствуя, что это нарочитое сипение, которое он тут изображал, чтобы скрыть собственный голос, уже начинает драть горло. И не то чтобы в настоящий момент это было непременно необходимо, просто он привык делать это всякий раз, когда сталкивался с посторонними. Чем меньше они будут знать о тебе правды – тем лучше.

- А, ну да, конечно, – согласно кивнул барон и, забыв о камере, торопливо двинулся вперед, безошибочно направляясь прямо к камере пыток, и тем самым давая понять, что он здесь отнюдь не впервые. Впрочем, к настоящему моменту никаких сомнений в этом у Гаруза уже не осталось.

Барон подошел к пыточной и резко врезал по незакрытой двери кулаком, отчего она со скрипом распахнулась. Даклеви вздрогнул и оторопело уставился на распахнувшуюся дверь, после чего на его лице внезапно нарисовалась тревога. Развернувшись к Гарузу, он подозрительно произнес:

- Кто ты такой? И где Даыб? – спросил он, одновременно хватаясь руками за ножны и рукоять ангилота. Но было уже поздно: Гаруз уже стоял вплотную к барону, а лезвия его кинжалов упирались в горло и печень насильца.

- Рот закрыл и быстро вошел внутрь, – просипел он, встав сбоку, так чтобы его лицо по-прежнему невозможно было разглядеть.

- Э-вэ... – испуганно проблеял барон, опасаясь издать звук чуть громче, поскольку лезвие одного из кинжалов, приставленное к горлу, явно ограничило его возможности напрячь голосовые связки. Но Гаруз не стал рассусоливать, а просто втолкнул Даклеви внутрь пыточной.

– Добрый день, барон.

Услышав этот голос, Даклеви дернулся и взвизгнул. Впрочем, второе действие он произвел потому, что в тот момент, когда дернулся, кинжал порезал ему кожу на шее. Голос же, между тем, продолжил:

– Рад вас видеть. Похоже вы здесь не впервые.

– Й?а-а?а... нет, что вы! Я здесь... я случайно.

– Вот как? А откуда тогда вы так хорошо знаете здешних обитателей? По именам.

Барон испуганно сглотнул, но потом все-таки сделал еще одну попытку отвести от себя подозрения.

– Ну?у?у... просто... это... эти... они преступники. Да, они – преступники. Подручные Черного ба... покойного барона Гуглеба. А... м?м?м... всем было известно, что этот старый замок... Короче, я решил...

– Да, покойный, конечно, был очень неосмотрительным, – холодно усмехнулся Грон, сидевший на табурете, рядом с давно пропитавшимся кровью пыточным щитом. – В первую очередь потому, что доверился таким, как вы.

– Да как вы... – с ярко демонстрируемым возмущением начал барон Даклеви, но тут же заткнулся, почувствовав впившееся ему в шею лезвие кинжала. Грон вздохнул.

– Что ж, барон не хочет быть с нами честным и откровенным. Тогда воспользуемся любезностью барона Гуглеба, оборудовавшего здесь столь удобное место для допросов... – и он кивнул Гарузу.

Спустя пять минут барон Даклеви был привязан к пыточному щиту, и Гаруз принялся сноровисто срезать с него одежду и обувь. В принципе, барона можно было и банально раздеть до того, как подвесить на щит, но исполняемый ритуал действовал на будущую жертву заметно более устрашающе.

Впрочем, как-то особенно сильно воздействовать на барона не пришлось. Этот сморчок оказался отличным подтверждением того факта, что те, кто очень любит мучить других, сами страшно боятся боли. Так что Гарузу оказалось достаточно только один раз приложить к гениталиям барона Даклеви раскаленный прут, чтобы он тут же завизжал, что готов все рассказать. Ну, прям все-все-все...

Полученная тогда от барона Даклеви информация позволила не только окончательно убедиться, что Черный барон жив, и практически безболезненно отстранить от власти этого ублюдка Гаделя III, но и отыскать довольно много «закладок», которые барон Гуглеб оставил в Насии. Причем эти «закладки» оказались весьма разнообразными и состояли как из различных тайников и схронов с деньгами, драгоценностями и вещами, так и из... людей. Причем людей очень разных – от затаившихся выкормышей Либвэ, надевших на себя личины простых крестьян, ремесленников и стражников, до вполне обычных торговцев, содержателей трактиров и таверн, либо капитанов каботажных судов, которые вроде как никогда не имели никакого отношения к барону Гуглебу. Но при этом однажды совершили нечто такое, что позволило Черному барону подцепить их на крючок. Хотя бы на маленький...

Большинство обычных людей считает, что всякие мелкие грешки не несут в себе никакой лишней опасности. Ну, подумаешь – слегка соврал, чтобы избежать мелкого и нудного скандала, потратил немножко не своих денег, умолчал о некоем пустяке, чтобы выглядеть лучше в глазах родителей, девушки, начальника, сослуживцев... ну кому от этого хуже-то? Хм... кому-то хуже? Ну, так они сами виноваты. Не мы такие – жизнь такая. Кто в жизни без греха-то?

И для многих эти мерзкие, но мелкие поступки действительно частенько обходятся без особенных последствий. Ну не считать же за такие уж серьезные последствия то, что ты позволил себе стать лжецом. Все же так живут. Разве нет?.. Ой, да ладно – нет безгрешных людей, не-ет. А если есть – так только лохи или уроды какие-нибудь. И что на них равняться что ли?.. Но если тебе в жизни не повезет, и ты чем-то заинтересуешь «ловца», создающего свою тайную сеть, то эти мелкие грешки окажутся именно тем самым «крючком», на который тебя и подсекут.

Нет, сначала все будет выглядеть очень невинно. И поначалу вполне может показаться не опасностью, а, скорее, удачей. А как еще обычный человек может отреагировать, если встретит кого-то, кто открыто восхитится его сметкой,

житейской мудростью, умением ловко вывернуться из неудачной жизненной ситуации, оставшись при своих, а то и с прибытком. Пусть и за счет кого-то менее расторопного, ловкого... ну, или более щепетильного. Па?а?а думаешь! Ой, какие мы гордые! Чистенькими быть хотим. Вот и поделом... Не хрен рыцаря из себя корчить. А нету рыцарей-то уже, нету! Да и не было никогда. Это токмо в балладах и романах все они такие честные да правильные, а на самом деле-то... «Ловец» же все это время, громко восхищаясь и воодушевленно поддакивая, будет потихоньку коллекционировать все грешки «карася», который даже не подозревает о том, что эти все его красивые слова и позы – трепыхание улова на крючке, улова, который опытный рыбак все еще водит, давая добыче возможность посильнее насадиться на крючок. А потом – раз, и «улов» подсекается.

Происходит это очень по-разному. Иногда к моменту подсечки «улов» уже успеваешь набрать столько вроде как мелких грешков, что все они вкупе способны достаточно надежно поставить крест на его такой обычной и вполне себе устоявшейся жизни. Часть же подобных «карасей» к моменту «подсечки» запутываются недостаточно. И в этом случае «ловец» обычно идет на некую провокацию. Например, дает деньги, а потом делает так, что «карась» начинает считать, что может воспользоваться чужими деньгами себе на пользу, и никто об этом не узнает. Ну, там, инсценирует собственную смерть, с особо наглыми «теряет» расписку, либо придумывает еще какой-нибудь ход. Или открывает перед ним некую перспективу продвижения по службе либо в жизненном статусе, шанс на которую «карась» получит, лишь пойдя на какой-нибудь крупный и никак не допустимый условиями желаемого изменения обман либо даже преступление. Да мало ли приемов знает умелый «ловец»... А после – ап, и вроде как еще день назад крутой, независимый и очень перспективный человек уже всего лишь безвольная кукла в руках опытного «ловца».

Нет, внешне, вполне возможно, мало что изменится – «улов» будет вести ту же жизнь, а то и поднимется еще на одну ступеньку видимого жизненного успеха... вот только в любой момент рядом с ним может появиться некто, даже не «ловец», а просто его посланец, и тогда попавший на крючок «карась» мгновенно превратится в чужое безвольное орудие, которое будет делать все, что ему прикажут – отдаст все свое состояние, подложит под указанного человека свою дочь, жену либо ляжет сам, или просто убьет кого-то, кого скажут. Например, собственного ребенка. И даже собственная смерть не поможет: «ловец» сумеет, скажем, подвести к ребенку другого убийцу, умело использовав, например, трагическое известие о кончине родителя и потом все равно «замажет» семью «карася», обнародовав перед кем требуется весь

список «накопленного».

Так вот, барон рассказал очень многое. Причем, как ни странно, вовсе не потому, что был значимым элементом сети Черного барона. Вовсе нет. Просто... есть такие люди, которые изо всех сил вынюхивают, подслушивают и подсматривают за другими, вероятно, считая, что собранная ими информация о самом интимном или хотя бы мало-мальски закрытом – например, о том, кто, с кем, когда и сколько, прибавляет им самим веса и значения. Ну, самореализуются они так: мол, я все про всех знаю, поэтому и крут. Вот и барон Даклеви был из таких. А поскольку он являлся близким прихлебателем наследного принца и потому не только всегда сопровождал своего господина во время его посещений Либвэ, либо участвовал в его мерзких развлечениях в подвалах дворца или на тайных базах барона Гуглеба, но еще и служил связующим звеном между принцем Гаделем и его «совратителем», то возможностей для подсматривания, подслушивания и сбора иной информации у него было хоть отбавляй. Да уж, если бы Черный барон хотя бы подозревал о том, сколь много стало известно этому крысенышу, он бы точно не оставил его в живых...

Но главной цели они не добились – барон Гуглеб бесследно исчез. И ни в одном захваченном «логове» они так и не обнаружили ни единой подсказки о том, где его стоит поискать. Вернее, ни одной достоверной подсказки...

* * *

– Эх, хоть бы какая-то зацепка... – с отчаянием протянул Шуршан. – Вообще ж ничего!

Грон промолчал. А что тут скажешь? Искать иголку даже не в стоге сена, а в нескольких разных стогах... Они сделали ошибку, разгромив все подготовленные бароном «закладки». Надо, надо было оставить хоть кого-то, хоть какого-нибудь «живца», а лучше даже нескольких. Ну не мог барон, приложив столько усилий для создания подобной сети, никак ею не воспользоваться... Но в тот момент ему казалось, что если действовать быстро – они имеют все шансы захватить столь лакомую добычу. Если не в этом, так в следующем «логове» они отыщут следы, которые позволят сесть барону на хвост. Если не этот, так следующий агент или «карась» может дать зацепку, которая позволит взять за «жабры» уже самого барона. Нужно только успеть, не упустить, не промедлить... И теперь это оборачивалось тем, что искать

барона приходилось вслепую.

– Ладно, Шуршан, – махнул рукой Грон, – иди, работай.

Когда за начальником его личной секретной службы закрылась дверь, Грон еще некоторое время сидел, молча глядя на стену. В последний год у него появилось ощущение времени, утекающего сквозь пальцы. В предыдущие годы он не испытывал такого. Нет, он совершенно точно знал, что его враг не сдался, что он где-то готовит свой ответный ход, свою месть, свой удар. Кто угодно может отступить, но только не колонтель Исполнительной стражи Кулака возмездия Великого равноправного всемирного братства Мехгин Ахгимаг.

Черт, временами Грон даже испытывал раскаяние по поводу того, что когда-то решил подыграть колонтелю и притвориться представителем его врагов в его изначальном мире. Хотя, не сделай он этого, системно ничего бы не изменилось: Черный барон прошел очень хорошую школу не только выживания, но и подъема по социальной лестнице с самых низов до весьма значимых высот. И здесь он так же не собирался просто забиться в нору и как-то выживать. В этом мире он так же собирался забраться наверх, используя для этого все свои навыки и умения, предельно отточенные предыдущей жизнью в крайне жесткой и абсолютно безжалостной системе. Так что прошедшая схватка все равно состоялась бы, и, скорее всего, результат ее был бы таким же. Но, вот потом... Если бы Грон не назвался асаулом УССС, то есть представителем давнего и ненавистного врага еще из прошлого мира, Черный барон вполне мог бы посчитать, что этой планеты хватит на двоих. И что легче и спокойней убраться куда-нибудь подальше, на противоположную сторону «шарика», и как следует обустроиться там, чем оставаться здесь, рискуя нарваться на ищеек Грона. Что, прежде чем вступать в схватку за артефакт, именуемый им «Бесцветная корона», надо набраться сил, подготовить базу и кадры, укрепить тыл и лишь затем... Ибо он гарантированно никогда бы не поверил в то, что Грон совершенно не собирается искать эту самую «Бесцветную корону», что ему по горло хватило трех жизней, наполненных болью и потерями... Но сейчас это были пустые надежды. Грон не сомневался, что Черный барон никуда не исчез, что он где-то здесь, рядом, и что он готовит удар, потому что считает, что Грон – безусловный враг, старый враг еще из прежнего мира. И поэтому им двоим нет места на этой планете. То есть, как это было сказано в одном забавном фантастическом фильме, который Казимир Пушкевич смотрел еще на Земле: «Должен остаться только один из нас»...

– Ваше высочество, к вам барон Экарт.

Грон удивленно покосился на секретаря. Странно, барон должен был находиться в своем имении в шести днях пути от Агбер-порта, куда отбыл дней десять тому как. Что такого случилось, что он развернулся и рванул назад даже не доехав до места?

– Проси.

У барона явно были причины поторопиться, потому что он ворвался в кабинет прямо в изгвазданной дорожной одежде. Похоже, он мчался во весь опор и решил не тратить времени на переодевание.

– Добрый день, мой дорогой друг, – поприветствовал его Грон, выходя из-за стола и направляясь к креслам, расположенным в углу кабинета, и столику между ними, – присаживайтесь. Вина?

– А?! – барон остановился и ошарашенно уставился на Грона. Похоже, он был полностью поглощен своими мыслями. – Ну да, спасибо... Грон! Я должен тебе сообщить, что...

– Садитесь, Экарт, – мягко прервал его принц-регент. – Что бы вас так ни взволновало, я думаю, это может подождать еще несколько минут. Я вижу, вы прямо из седла. Позвольте, я угощу вас вином и фруктами. Или, может, чего-нибудь посущественнее?

– Э-э... нет, вина и фруктов будет достаточно. Наверное... – барон, подойдя к креслу даже не опустился, а рухнул в него разбросав по сторонам столика ноги в грязных сапогах. Грон шагнул к двери, приоткрыл ее и негромко бросил в приемную:

– Вина и фруктов. И... – он бросил оценивающий взгляд на барона, – горячего отвара с выпечкой, пожалуй, тоже принесите. И умыться, – после чего повернулся и двинулся к свободному креслу.

Барону явно не терпелось, но, поскольку они с Гроном знали друг друга уже давно, Экарт дожидался, пока его друг решит, что наступило время перейти

к разговору. Уж упертость Грона он знал отлично. Поэтому барон спокойно умылся, вытерся полотенцем и, несмотря на собственное заявление, мгновение поколебавшись, налил-таки себе взвару и откусил свежайшую плюшку, прожевал, проглотил и только после этого поднял взгляд на Грона.

– В Запретной пуще что-то происходит, – тихо произнес он. После этих слов у Грона засосало под ложечкой.

В шести королевствах, располагавшихся на территории этого Владения, самого Владетеля не видели очень и очень давно. Впрочем, как раз этот факт не являлся чем-то из ряда вон выходящим. Подавляющее большинство Владетелей тоже сидели как сычи в своих Башнях, располагавшихся в самом центре собственных Запретных пущ, крайне редко покидая их и очень редко вмешиваясь в текущую жизнь государственных образований, составляющих их Владения. Так что очень немногие из людей, даже среди тех, кто составлял сливки местной знати – королей, эмиров, ханов, царей и князей, могли похвастаться тем, что имели счастье (ну, или, несчастье) воочию лицезреть своих Владетелей. Так что то, что никто из населяющих шесть королевств ныне живущих никогда не видел своего Владетеля, не было чем-то таким уж необычным.

Необычным было другое... Владетели, даже не покидая Запретной пущи и не показываясь на глаза людям, все равно так или иначе управляли своими Владениями. Вмешательство Владетеля в жизнь доменов, составляющих Владение, происходило не слишком часто: как правило, это случалось либо в момент смены правящего лица вследствие смерти, насильственного переворота либо... по решению самого Владетеля, часто даже непонятно на чем основанному. Также Владетель мог утвердить (или не утвердить) итоги только что отгремевшей войны, предписать тем или иным доменам оказать помощь какому-нибудь другому домену, опустошенному засухой, наводнением или еще каким-нибудь бедствием, либо... милостиво разрешить другим доменам разделить территорию ослабевшего между собой. А также просто своей волей остановить начавшуюся войну или, скажем, запретить торговлю, а то и вообще любые контакты с той или иной территорией какого-нибудь другого Владения. Для этого Владетелю вовсе не было необходимости лично появляться перед своими подданными – достаточно было направить своего глашатая. Оный мог быть либо известным всем представителем местной элиты, либо совершенно незнакомым человеком: слугой Владетеля, прибывшим из его Башни, и просто пойманым на дороге бродягой, вот таким образом осененным «милостью

Владельца», который и провозглашал его волю. После чего всем, услышавшим ее, оставалось только подчиниться. Либо умереть, потому что неподчинения не терпел ни один Владетель.

Но за последние двадцать лет в шести королевствах сменилось не только несколько королей, но и три династии, а также произошло два довольно существенных изменения границ. Ну и, кроме того, стараниями Грона купцы Агбер-порта разведали и установили несколько новых и довольно прибыльных торговых маршрутов в те места, с которыми ранее не торговали. Более того, пара новых маршрутов оказалась из тех, которые раньше, хоть и довольно давно, были запрещены велением Владетеля. Однако никакой реакции из Запретной пущи на эту... м?м?м, несколько вызывающую самостоятельность не произошло. Все было тихо и спокойно. И вот на тебе...

– М?м?м, и в чем это выразилось?

Барон прожевал кусок плюшки, отхлебнул взвару и заговорил:

– В ту ночь мы заночевали в придорожном трактире, расположенном в одном дневном переходе от Каргалайра. Я ехал неторопливо, поэтому устал не сильно и потом, уже улегшись в постель, довольно долго просто лежал, раздумывая о том, что из внедренных тобой на королевских землях новшеств стоит повторить и в моем поместье. Ты же знаешь, что я раньше был вполне удовлетворен доходом со своего поместья и предпочитал не трогать то, что и так работает вполне нормально – не столько из лени, сколько опасаясь не слишком умелым вмешательством в налаженное хозяйство скорее не повысить, а понизить доходы. Но за последнее время несколько моих друзей, последовав твоему примеру, перестроили дела в своих хозяйствах, что привело к резкому повышению их достатка. Вот я и решил – какого Владетеля! Кхм... ладно, не об этом речь, – Экарт вздохнул. – Короче, я лежал и размышлял. И в этот момент... – барон вздохнул и резким движением вытянул из-за ворота свою «жемчужину». – Вот!

Грон внимательно уставился на «жемчужину». Она явно изменила цвет. И, похоже, немного уменьшилась. Принц-регент бросил вопрошающий взгляд на барона и, дождавшись разрешающего кивка, осторожно прикоснулся к ней двумя пальцами. «Жемчужина», как обычно, ощутило дрогнула под его пальцами. Он несколько мгновений осторожно ощупывал или, скорее, оглаживал ее. Похоже, она изменила не только цвет и размер, но и температуру.

Ранее ее температура равнялась теплоте человеческого тела, а теперь она была хоть и ненамного, еле заметно, но холоднее.

– Ты... уже пробовал?

– Да, я уже использовал ее. Дважды. И, похоже, ее сила несколько уменьшилась. Ненамного, но заметно. Во всяком случае, «окружение Омана» мне удалось сотворить не более пяти раз. А ранее меня хватало на шесть, а иногда, при удаче, даже на семь.

Грон задумчиво кивнул.

– Это... это важно. Но почему ты думаешь, что это непременно связано с Запретной пущей?

– А с чем? – вскинулся Экарт. – Ты можешь предложить какой-нибудь другой вариант?

Грон задумался, а затем отрицательно покачал головой.

– Ну-у, если постараться и подумать, то смогу, но, вероятно, ты прав. Озвученная тобой версия выглядит наиболее правдоподобной, – он еще немного подумал, а затем задумчиво произнес: – Похоже, нечто, появившееся в глубине Запретной пущи, начало тянуть к себе энергию.

Барон вздохнул и потер лицо ладонью, на которой Грон заметил мозоли от конского повода, а потом произнес с тоской в голосе:

– И чего нам теперь ждать?

– Не знаю, – мягко отозвался принц-регент, – но и хоронить себя раньше времени не собираюсь. Спасибо тебе за то, что ты так быстро сообщил мне эту, несомненно, крайне важную информацию, а теперь иди отдыхать. Я попрошу тебя завтра снова прийти сюда к полудню. А до этого – не забивай голову бессмысленными тяжкими мыслями. Выспись, отдохни. Мне твоя голова нужна свежей и готовой к работе.

Выпроводив барона, Грон вызвал к себе начальника канцелярии и Шуршана. Первое, что необходимо было сделать в связи с известием, принесенным Экартом, это собрать всю доступную информацию. В принципе, вполне возможно, что никаких заметных изменений еще не произошло, и те запросы, которые начальник канцелярии разошлет по всем провинциям, как прилегающим к Запретной пуще, так и находящимся от нее на расстоянии не более пяти дневных переходов, останутся без ответа. Но интуиция подсказывала Грону, что это не так, что некие изменения заметили уже многие, просто, возможно, не обратили на них особого внимания. Или, например, пока еще боятся об этом говорить.

С начальником канцелярии, прибывшим первым, закончили быстро. Он молча выслушал распоряжение Грона, уточнил, какого типа информация требуется, спокойно выслушал ответ «любая» и, все так же молча поклонившись, вышел из кабинета.

Шуршан появился только через полчаса после того, как кабинет покинул начальник канцелярии. Как выяснилось, он уже успел выехать из дворца и отъехать довольно далеко, прежде чем его нагнал посланный секретарем посыльный.

Войдя в кабинет, старый браконьер и разбойник молча сел на стул, стоящий у стола, и уставился на Грона напряженным взглядом. Грон вздохнул и негромко начал:

– Час назад ко мне в кабинет влетел Экарт.

Шуршан дернулся, похоже, собираясь удивленно брякнуть нечто вроде: «Он же уехал», но сумел-таки удержаться и только молча кивнул.

– Он сообщил мне, что его «жемчужина» выдала необычную реакцию. Я посмотрел – так оно и есть.

Шуршан слегка подался вперед и напрягся.

– Барон считает, что эта реакция на что-то, что происходит в Запретной пуще, – Грон сделал паузу, бросил в сторону главы своей личной секретной службы тяжелый взгляд и столь же тихо продолжил: – Так что тебе нужно будет

сформировать несколько групп и отправить их к Запретной пуще. Пусть порыскают и поищут любую полезную информацию. Сам понимаешь, какие неприятности мы можем получить оттуда.

Шуршан молча кивнул. Грон еще раз окинул его тяжелым взглядом, потом вздохнул и тихо произнес:

– И я не исключаю, что это может быть как-то связано с... – он сделал короткую паузу, после чего еще более тихо закончил: – Со всеми этими нашими неудачными многолетними поисками.

Глаза Шуршана удивленно расширились, он замер, а затем медленно наклонил голову и выдохнул:

– Понял...

2

– Ну что там? – тихо прошептал Гаруз. Сибан, оседлавший толстую ветку светлоствольного вяза, каковые здесь встречались довольно часто, ответил не сразу. Еще около минуты он вглядывался вдаль сквозь странное устройство, позволявшее куда лучше рассмотреть детали, находившиеся на довольно большом расстоянии. Такое не так давно начали делать на оптической мануфактуре. Правда, сектор обзора при этом резко сужался... Сибан бережно убрал устройство в прочный кожаный футляр, задвинул тот за спину и соскользнул вниз по стволу.

– Не разглядеть ничего, – столь же тихо сообщил он командиру. – Надо поближе подобраться...

Гаруз хмыкнул и задумчиво потер заросший недельной щетиной подбородок.

Их группа рыскала по окрестностям Запретной пущи уже почти месяц. Сначала группа работала в прилегающих к пуще провинциях Агбера, но там многого накопать не удалось. Да, крестьяне, живущие ближе дневного перехода к опушке Запретной пущи, в один голос утверждали, что в пуще что-то происходит, но детали различались очень сильно. В одних местах утверждали,

что ужасные твари стали чаще покидать лесные дебри, что следы чудовищных лап страшного зверья видели почти на полдня пути от опушки, чего не случалось уже очень и очень долгое время, что по ночам часто стал слышаться жуткий вой, от которого скотина бесится и кидается на стены, а собаки, наоборот, поджимают хвосты и забиваются под завалинки. Зато в других рассказывали прямо противоположное: что поля и огороды, на которых ранее частенько паслись небольшие твари из чащи, ныне подвергаются набегам куда как реже, что заблудившаяся корова была обнаружена на самой опушке пуши во вполне себе целом и спокойном состоянии, что мелкие твари пуши, ранее смертельно опасные для мелкой домашней живности и птицы, ныне стали настолько квелыми, что собакам не только удается их отогнать, но и временами даже загрызть. Причем, Гарузу пока не удавалось выделить в этих рассказах никаких закономерностей. Ну, не было так, что скажем, к северу от какой-то точки ситуация стала хуже, а к югу – наоборот. Нет, все было вперемешку – скажем, в одной деревне тварей чащи оглоблей гоняют, в соседней ночами не спят от страха, а в следующей – снова оглобля. И так по всей границе. Так что в Запретной пуше что-то происходило, но к добру оно или к худу, пока было непонятно... То есть нет – понятно конечно, что к худу, ибо что бы ни происходило в Запретной пуше, это всегда в конце концов приводило к бедам. Однако масштаб этих бед, конкретика, временные рамки – все это было точно так же туманно, как и в первый день прибытия группы Гаруза в окрестности Запретной пуши.

И так продолжалось до тех пор, пока в одной из деревенок староста не сообщил, что его свояк, ездивший на ярмарку в городок соседней Насии, приехал с ярмарки с выпученными глазами и неожиданным слухом, что в Насии кто-то видел Бездушных. Поэтому Гаруз подхватился и рванул в Насию...

– Точно ничего не разглядеть?

– Не-а, старшой, – отозвался Сибан. – Ты ж меня знаешь.

Гаруз вздохнул и кивнул. Это точно. Таких острых глаз, как у Сибана, Гаруз до сих пор более ни у кого не встречал. Впрочем, у него вся группа такая была... У каждого есть какой-то талант уникальный. Даже не талант, а талантище...

– Ладно, слезай. Коль так – надо подобраться поближе...

До Насии они добрались за два дня. Около Запретной пущи от границы до границы королевств было не так уж и далеко. Все домены Владения сходились к ней довольно узкими клиньями, будто спицы к втулке тележного колеса... И в первой же деревне им, буквально захлебываясь, рассказали, что все, что они слышали, произошло «эвон в Дремучихе, полдня отсюда, та-акая жуть была. Всех, всех порвали!». Но когда они добрались до той самой Дремучихи, выяснилось, что все произошло не здесь, а «да рядышком тут на Выселках». С Выселок тоже пришлось отправляться дальше. Так что на поиски действительно места, где были замечены Бездушные, ушло почти пять дней. И вот сегодня они, наконец-то, добрались до него... Наверное.

- Бурт, ты сидишь здесь. Ежели там кто ухоронился из... ну... понял, короче. Так посмотришь все внимательно и ходу до господина Шуршана. Понял?

- Понял, но...

- Цыть, - рявкнул Гаруз на молодого. - Или забыл, какая первая обязанность разведки?

- Принести информацию, - понуро отозвался стажер группы.

- Во-от, - наставительно воздев палец, произнес Гаруз и вздохнул. - К тому же ежели нам встретится то, с чем мы сами не справимся - ты уж никак не поможешь. Понял?

- Так точно, - уже по-уставному отозвался стажер.

- Ну вот, вспомнил, как отвечать надобно, - удовлетворенно кивнул Гаруз. - И это - внимательно смотри. Ты господину Шуршану должно?н информацию принести, а не сопли - а?а?а, м?я?я, все погибли, и так далее. Понял?

- Так точно, командир, - стажер оглянулся на дерево, на которое до этого забирался Сибан, но Гаруз его остановил.

- На дерево не лезь. Ежели там что такое, с чем мы ни справимся, ни уйти от него не сможем, тебе отсюдава быстро ноги делать будет надобно. Так что с земли смотри. И чуть что - мигом к лошадям. Понял?

– Так точно, – в третий раз повторил Бурт. Гаруз одобрительно кивнул и развернулся к остальным.

– Значица так, идем «пилой». Первым зубом – Кост. И в оба мне смотреть!

Кост только хмыкнул – мол, нашел кого учить.

– Сибан, ты справа. Ежели на нас кто выскочит, ты...

– Понял, – коротко отозвался тот.

– Не перебивай! – рявкнул на него Гаруз, и сердито насупившись, продолжил: – Так вот, ты уведешь его от стажера. Подальше уведешь. Теперь понятно?

Сибан молча кивнул.

– Ну-у... дай нам Владетель удачи, – Гаруз осенил себя знаком оберега и, вскочив на коня, махнул рукой, давая Косту сигнал выдвигаться. Он был назначен «первым зубом» схемы «пила», так что его место было впереди всех.

У оврага... пахло. Да что там пахло – воняло!

Кост, еще на подъезде, притормозил, и начал обматывать голову башлыком. Гаруз огляделся по сторонам и тоже занялся этим делом. Остальные последовали его примеру... Когда они подъехали вплотную, Сибан, шустро подтянувшийся к отряду, удивленно присвистнул:

– Да уж, порезвились здесь... а вот интересно, командир, почему зверье требуху не растащило?

– Если здесь действительно Бездушные работали – зверье сюда не сунется, – мрачно отозвался Гаруз. – Где-то год еще. Уж не знаю, как и чего они чуют, но Бездушных они боятся до усрачки.

Кост покосился на командира и, соскользнув с лошади, начал осторожно спускаться в овраг. Группа рассыпалась по краю оврага, продолжая настороженно поглядывать по сторонам.

– Чисто! – крикнул снизу Кост спустя десять минут, предварительно облазив все норы, которые покойные разбойнички успели нарыть в склонах оврага. Гаруз скривился, повернулся к Сибану и повел подбородком на дальний конец оврага, определяя тому место поста. Несмотря на то, что пока ничто не предвещало никаких опасностей, охрану оставить все-таки было надо. Да и стажеру тоже посидеть на своем месте пока будет лучше – кто его знает, как оно повернется, когда они спустятся в овраг. А ну как затаившийся враг как раз этого и ждет?

– Ну и вонь, – сдавленно произнес Гаруз, спустившись вниз, – аж слезу вышибает.

– Хм, я-то гадал – почему окрестные крестьяне здесь не порылись, – с коротким смешком произнес один из бойцов. – Да тут без привычки вообще духа лишиться можно.

– Да уж, крестьяне – они такие. У своих, деревенских – медяка не возьмут, а вот коли кто чужой отвернется либо что-то, как им покажется, бесхозное углядят – так пиши пропало. И концов не найдешь. Куда там Теневой гильдии... – отозвался другой.

– Все, бросили языком молоть, – оборвал «лирику» Гаруз, – работаем.

Обследование оврага они закончили как раз к темноте. Поднявшись наверх и отъехав обратно к опушке, на которой все это время в «секрете» проторчал стажер, все облегченно размотали башлыки и отдышались.

– Да уж, до сих пор голова кружится и глаза слезятся, – выдохнул Кост. Стажер сочувственно пялился на них, переводя взгляд с одного на другого. А потом осторожно спросил:

– Что так сильно воняло?

Сибан хмыкнул.

– Ты, молодой, еще бы наверху блевать начал. Прямо через башлык.

Стажер задумался и тихо произнес:

- Странно...

- Да чего тебе стран...

- Тихо! - рявкнул Гаруз и, развернувшись к молодому, переспросил: - Чего тебе странно-то?

Тот смутился.

- Ну... я так... просто...

- Не мямли, а отвечай на вопрос, - Гаруз упер в стажера свирепый взгляд.

- Так точно, командир! - тут же вытянулся в струнку стажер. И бойко продолжил: - Я просто подумал, что овраг, вроде как, довольно близко... и ветерок... а здесь ничего не чувствуется. Да и... они ж сколько уже лежат. Пованивать должны - это точно, но не так, чтобы слезу вышибало...

- Так... - Гаруз окинул взглядом свое тут же подобравшееся воинство. У него в группе дураков не было, так что слова молодого все оценили мгновенно. Странности, подмеченные стажером, действительно имели место быть, а долгий опыт службы в одном из наиболее элитных подразделений господина Шуршана давно уже позволил им всем вывести одну непреложную в их работе истину - любые странности опасны. Любые! Поэтому, если у тебя нет веской причины находиться поблизости от какой-нибудь странности, самым разумным поступком будет взять ноги в руки и быстренько-быстренько оказаться от нее подальше.

- ...по коням и уходим. Быстро.

- А? - стажер ошеломленно воззрился на Гаруза. Но тот только выверился на нерасторопного подчиненного:

- Команды не слышал? Бегом!

Из леса на дорогу они выбрались через полчаса и сразу же пустили коней галопом. Но когда странный овраг и группу разделили речка и два холма, Гаруз

махнул рукой и натянул поводья, переводя своего жеребца на рысь. Видимой опасности не было, так что гнать коней до запала было не нужно. Отъехали быстро на приличное расстояние – и будет пока, теперь надо дать коням роздых. А ну как где далее на пути еще какие опасности повстречаются – а кони уставшие.

Нет, разбойников Гаруз не опасался. Насия, конечно, не Агбер, и таковые здесь встречаются куда чаще, чем дома, но сильной шайки тут быть не может. Сильная – это когда дезертиры либо вообще дворяне с дружиной шалят. Вот эти – да, эти – люди опытные, и вооружение у них, как правило, вполне приличное. С такими схлестнуться – себе дороже будет. Но откуда в сегодняшней Насии таковым появиться? Войны давно уже нет, так что дезертиры отпадают. Тех, что с прошлой войны остались, уже давно либо егеря к ногтю прижали, либо... либо осели где, ежели поумнее. А то и вообще обратно на службу нанялись.

А за дворянством нынешний король Насии Ормераль I зорко приглядывает и баловства не допустит. Он с, дай ему Владетель здоровья и долгих лет жизни, принцем-консортом и их онопьером очень даже близко стакнулся. Прямо голубки неразлучные. Так что господин Шуршан ему секретную службу по примеру Агберской помог наладить. Поэтому нет у дворянства местного ни единого шанса побаловаться, чтобы это осталось бы не известным королю. А король таких дел очень сильно не одобряет. Вплоть до усекновения головы...

Так что максимум, что им тут может повстречаться – это шайка из бывших крестьян либо бродяг каких бестолковых. Десятка в три-пять. А для их группы это мясо – на один зуб. Да и не будут они нападать на хорошо вооруженный отряд. Несмотря на то, что бойцы Гаруза в легкой кожаной броне, а не в бахтерцах или латах, да еще и специально сделанной так, чтобы она совсем броней не казалась – повадки-то не скроешь. А крестьянский глаз – цепкий, на гриб в лесу, да на скотину наметанный. Так что углядят, что непростые всадники едут, к тому же оружием увешанные по самое не могу. Нет, не полезут... Ну а ежели найдутся совсем глупые, что рискнут – да и царство им небесное.

Проехали еще около двух часов, правда, как остудили коней от галопа, уже шагом, а не рысью. Гаруз командовал остановиться на привал у небольшого ручья: до темноты было еще довольно далеко, но надо было осмотреть и рассортировать находки. Там-то в овраге все, что показалось

интересным, просто навалом собрали и увязали в тряпье, которое выглядело более-менее чистым и наиболее целым. Ну как целым – просто большие куски подобрали. Или то, что в норах нашлось. Но в норах нашлось мало: судя по слухам, эту банду порубили в конце осени, а в это время уже холодно и погода дрянь, так что все, что у них было, разбойнички на себя намотали.

Только в самой большой норме отыскивали пару плащей и казну. Совсем тощую – судя по ней, а также по кошелькам, которые отыскивались на нижних половинах искромсанных тел, дела у душегубов шли очень неважно. На всех про всех – десятков серебряных, и под сотню меди. Впрочем, может какой кошель-другой не нашли, там же все кусками тел завалено было, да и глаза резало. Но никто о такой потере не жалел, потому что вряд ли в них было больше десятка-другого меди...

Главное – удалось собрать обломки оружия, которым разбойники пытались защищаться, куски одежды и некоторое количество останков тел. В основном с костями, ибо на них следы от ударов оказались наиболее ярко выражены. Вот с ними-то как раз предстояло больше всего возни. Сначала их надо было хоть чуть ополоснуть, чтобы не так уж сильно воняло, а затем купить в ближайшей деревне бочонок меда – и утопить в меду. Ну, чтобы за то время, пока они доберутся в Агбер-порт, эти куски окончательно не разложились. То есть, возможно, они и так вполне себе доживут, судя по тому, в каком состоянии они были найдены спустя столько времени после того как... кхм... они образовались. Но кто его знает – а ну как это свойство места, а не самого куска? Так что лучше поберечь.

– Эм, командир, можно спросить? – неуверенно произнес стажер, когда они уже побултыхали останки в ручье. Совсем запаха это не отбило, но вонять стало ощутимо меньше. А может, просто притерпелись.

– Ну, спрашивай, молодой, – добродушно отозвался Гаруз, внимательно осматривая обломки оружия. Чтобы не таскать лишнюю тяжесть, надо было отобрать только те, следы на которых заметно отличались друг от друга. Большую же часть обломков с похожими следами ударов можно выбросить.

– А зачем мы все это собрали?

– Хех, – хмыкнул Гаруз и бросил на стажера насмешливый взгляд. – Вот ты скажи, молодой, зачем мы вообще тут шаримся.

– Ну-у... – стажер запнулся, а потом осторожно произнес: – Чтобы разузнать все.

– Что все? – заинтересованно спросил Гаруз. Этого парня он сам отобрал в свою команду, несмотря на то, что, в отличие от остальных выпускников Гравэ, он не выглядел молодым волчонком, способным рвать глотки и выгрызать истину. На их фоне он смотрелся этаким пентюхом. Но в «сопроводилровке», с работы над которыми Гаруз всегда начинал отбор кадров, было отмечено, что парень умеет смотреть на ситуацию под неожиданным углом и подмечать то, что ускользнуло от других. И к настоящему моменту Гаруз мог с уверенностью заявить, что преподаватель Гравэ был совершенно прав, охарактеризовав парня подобным образом. Взять хотя бы сегодняшний случай: никто ж не заметил, что при обычных условиях столь сильная вонь, которая стояла в овраге, точно должна была добивать до опушки. Так что своим выбором Гаруз был вполне доволен. А что касается хватки – ничего, заматерееет.

– Ну, какие тут есть опасности, – еще более осторожно ответил стажер.

– Где? В Насии?

– Нет, в Запретной пуще и вокруг нее.

Гаруз хмыкнул.

– То есть мы вот так явимся в Агбер-порт к господину Шуршану и заявим ему – так мол и так, опасности в Запретной пуще такие-то и такие, а других нет и быть не может. Так что ли?

– Ну-у... – снова протянул стажер, – да нет, наверное.

– Тогда повторяю вопрос – чем мы тут занимаемся?

Стажер задумался. И думал довольно долго. А потом уныло произнес:

– Не знаю.

Гаруз удовлетворенно кивнул. И ошибки свои парень признавать готов. Это хорошо.

– А занимаемся мы здесь, молодой, тем, что добываем ин-фор-ма-ци-ю, – это слово Гарузу очень нравилось. Откуда оно взялось – он не знал, но услышал его впервые от онотьера. И долго тогда пытался повторить, ломая язык. Но так и не смог. Все время путался. А освоил он его уже намного позже. Когда это слово уже вовсю начал использовать господин Шуршан... Стажер окинул командира недоуменным взглядом.

– А я разве не это сказал?

– Нет, молодой, – качнул головой Гаруз. – То есть, конечно, если мы где заметим очевидную опасность – то да, мы о ней непременно расскажем. Но мы с ребятами уже тертые парни, и отлично знаем, что наиболее серьезными являются опасности как раз неочевидные. Ну, которые мы сами, вот так, с налету, вблизи, разглядеть не сможем. Уж, извини, мы – полевые. Нам больше кого пристукнуть, кого за жабы взять. Ту же ин-фор-ма-ци-ю из какого трактирщика или сельского старосты выжать – где лаской, а где и таской. Улики какие пособирать... Нет, ежели чего не особо сложное – разнюхать где какой купчик чем запретным балуется или, там, один дворянин других резать начал из-за наследства – эт мы тоже можем. Но ежели чего навроде этого, – Гаруз ткнул пальцем вбок, в ту сторону, где находилась Запретная пуща. – Это не к нам. Тут куда большие умники думать будут. А наша задача – приволочь им то, над чем они как раз и будут думать. Ин-фор-ма-ци-ю. Те же улики. Слухи. Можно и людей, которые сами что-то видели, а не от шурина двоюродного племянника соседа брата жены как-то что-то услышали. Понятно?

– Понятно, – кивнул головой стажер.

На ночь остановились у этого же ручья, только отъехали немного – на том месте, где с трофеями разбирались, уж больно все изгваздали... Лагерь разбили привычно – стенка из нескольких кольев и лапника, чтобы от ветра защита была и тепло костра попусту не рассеивалось, из лапника же быстро устроили лежаки, на которые бросили спальные мешки. Чья это придумка, Гаруз точно не знал, как бы даже не самого онотьера, но вещь оказалась дуже удобной и теплой.

Первая половина ночи прошла спокойно. А вот когда восток уже начал едва заметно светлеть, Гаруз проснулся от того, что его осторожно трясли за плечо. Он мгновенно напрягся, готовый одним движением разорвать специально сделанную хлипкой стяжку разреза спального мешка и вскочить на ноги уже вооруженным и готовым к бою, после чего открыл глаза. Тряс его стажер.

– Что? – тихо, одними губами выдохнул Гаруз. Стажер молча скосил глаза на часового, сидевшего чуть в стороне от костра. Это был Сибан. В последнюю утреннюю смену дежурил именно он. Вместе со стажером – одного молодого пока на дежурство не ставили... Заметив, что стажер перестал его трясти, Сибан поднял руку и четко просигнализировал пальцами: «Вероятная опасность», «Скоро» и «Не сейчас». Гаруз на мгновение задумался, затем так же тихо прошептал стажеру:

– Буди остальных.

А сам аккуратно расстегнул три верхних пуговицы стяжки и выбрался из спального мешка. Коль непосредственной опасности нет, зачем портить хорошую вещь.

Собрались быстро. К тому моменту, когда на востоке только-только появилась серая полоса, лошади уже были оседланы, на спинах вьючных закрепили мешки, а у костра, на примятых лежанках из лапника оказались уложены «болваны», изготовленные все из того же лапника, укрытого плащами, внутрь которых, кроме того, каждый запихнул по паре снятых с ног портянок. Ежели преследователи были с собаками – это их на какое-то время обманет. Непременно подойдут обнюхать. Ну а они уж своего не упустят...

«Преследователь» появился где-то через полчаса. Сначала заволновались лошади, несмотря на то, что их на всякий случай опоили специальным зельем – среди следовых собак встречаются и такие, у которых в крови есть примеси тварей Запретной пуши, их любая животина боится до безумия. Вот и приготовились на всякий случай... А что после этого зелья лошади как заторможенные будут и скакать окажутся способны куда медленнее, чем обычно – не страшно. Уходить все равно решили лесом, в сторону границы, а в лесу на полный аллюр не перейдешь. Идти в лесу полным аллюром это непременно или ногу лошади сломать, или в какую яму навернуться, либо еще какую неприятность, куда хуже, споймать... Но вот то, что лошади заволновались несмотря на зелье – Гаруза насторожило. Что же это

за «собачки», на которых животинки так реагируют?

И «собачки» появились. Вернее «собачка». Одна. Но какая! Гаруз нервно сглотнул, а затем мгновение подумал и подал знак: «Заряжать особым». Сильной надежды, что это как-то поможет, у него не было – не та тварь, которую можно было даже составным взрывным болтом взять, но не задирать же лапки и подставлять горло сразу же, даже не попытавшись потрепыхаться?..

Шевеления рядом он не услышал, хотя был уверен, что вся группа сейчас извлекает из тулов короткие толстенькие болты. Таковых в боезапасе у каждого было всего по две штуки, уж больно дорого они стоили. На изготовление подобного болта тратилось едва ли не больше времени, чем на сам компактный пружинный арбалет, входивший в снаряжение каждого бойца группы. А вот лук у них был всего один на всю группу, как и лучник. Впрочем, не мудрено: за последний год у группы только два раза возникла ситуация, когда им пришлось воспользоваться луком, а вот «пружинники» пришлось применять куда как чаще. В схватке на короткой дистанции – самое милое дело. Бьет мощно, держать можно одной рукой и, главное, выстрелить можно внезапно. Он же короткий, плащом прикрыл – и хрен кто разглядит.

Все-то привыкли, что то, из чего стреляют – штука громоздкая и для применения обеих рук требует. А тут стоит себе человек и одной рукой бороду оглаживает. Или даже клинок в руке держит. Вот и не ожидают... В этот момент с боков послышались еле слышные щелчки, означающие, что арбалеты встали на боевой взвод. Они были едва слышны даже здесь, но Костяная гончая, чудовищное порождение Запретной пущи, в этот момент наконец-то решившая разобраться с тем, что ей так не нравится в этих спящих фигурах, и уже подобравшаяся для прыжка, тут же вскинула голову и уставилась прямо на них. Гаруз был не очень хорошо знаком с повадками подобных тварей (а кто вообще из живых был с ними «очень хорошо» знаком?), но понял, что время вышло, и если промедлить хоть один удар сердца – то никаких шансов у них не останется вовсе. Поэтому просто надавил на спуск своего арбалета.

– Ты-дах, – глухо бухнуло со стороны гончей. И сразу же еще:

– Ты-ты-ты-дах-дах...

И тварь... рухнула! Гаруз на мгновение замер, ошарашенный тем, что им удалось убить... нет, тварь зашевелилась... да просто нанести хоть какой-то урон этому чудовищному порождению Запретной пуши. Но затем опомнился и, уже не скрываясь, в голос заорал:

– Заряжай!

К тому моменту, когда тварь сумела-таки подняться на ноги, они загнали в арбалеты по последнему особому болту. После чего Гаруз вскинул свой «пружинник», торопясь поразить тварь... но это оказалось его ошибкой. Потому что когда он нажал на спуск, гончая прыгнула... Эта тварь, в которую только что вошло больше полдюжины болтов, отделяемые головки которых рванули глубоко в ее теле, а металлические «древки» намертво засели в ее внутренностях, удерживаемые раскрывшимися острыми «лапками»-фиксаторами, прыгнула на них, преодолев почти три десятка шагов за один прыжок и лишь немного не дотянув... Его болт, как и пара других, выпущенных столь же бестолковыми торопыгами, как и он, ушли мимо, но остальные сумели-таки всадить в приземлившуюся тварь свои болты достаточно точно. Отчего уже раненная тварь снова рухнула на землю, дав им маленький шанс. И Гаруз его не упустил.

– Ходу! – заорал он, разворачиваясь и бросаясь к лошадям, которые уже бились, пытаясь сорваться с привязи. На таком расстоянии от настоящей твари из пуши уже никакое зелье помочь не могло.

Первые пять сотен шагов лошади, несмотря ни на какое зелье, прошли галопом, никак не реагируя на все усилия всадников, боящихся, что во все еще царящей в лесу темноте кто-то из лошадей ломает ноги. И... так и произошло. Когда они выскочили на старую вырубку, уже поросшую молодым лесом, конь под Костом попал копытом в яму и с громким хрустом сломал левую переднюю ногу. Но Кост не растерялся и, соскочив с падающего скакуна, прыгнул к вьючной, одним движением скинул с нее вьюк и вскочил ей на спину. Прямо так, без седла.

У дальнего конца вырубки они потеряли еще одну лошадь, напоровшуюся грудью на жердину. Но, слава Владетелю, на этот раз вьючную. Так что боец, к лошади которого она была привязана, просто молча обрубил повод, и отряд в полном составе помчался дальше. Более, опять же слава Владетелю, потерь не было. Но старший группы сумел осознать это далеко не сразу, а только через

пять сотен шагов. Ну, когда лошади, похоже, наконец-то переставшие чують тварь из Запретной пущи, вследствие чего всадникам все же удалось взять их под какой-то контроль, перешли на крупную рысь. Только тогда Гаруз, как и остальные, сумевший-таки справиться со своими лошадьми, оглянулся и торопливо пересчитал своих. Один, два, три... уф, все. Даже стажер держится молодцом. Гаруз шумно выдохнул и просипел:

- На канийский тракт двигаем.

- К границе? - уточнил Кост.

- Да.

- А тварь в людные места за собой не приведем? - поинтересовался Сибан. Гаруз задумался. Вот этого очень бы не хотелось. Хоть тут не Агбер, но земли вроде как дружественные. Да и вообще не по-людски это - такую тварь в населенные места вести... Но его размышления прервал молодой.

- Не должны, - уверенно ответил стажер. - Такие твари за пределами Запретной пущи быстро слабнут и гибнут. Они - ее порождение, и потому вне ее жить не могут. Да и вообще, их необычная живучесть как раз таки вызвана тем, что они все переполнены эманациями пущи. И пока этих эманаций в них много - они способны залечивать даже самые сильные раны. Но когда они исчерпываются - твари сразу же погибают, даже если они не ранены. А мы ее очень сильно поранили, поэтому сейчас эти эманации расходуются очень быстро. А поскольку она сейчас далеко от пущи и восполнить их никак не может, я не думаю, что она протянет дольше чем три-четыре часа.

Пару минут все скакали молча, а затем Кост пробурчал:

- Да, мало ли что там думает молодой...

- Не задирайся, Кост, - оборвал его Сибан. - Мало-немало, а только вот живы мы лишь благодаря ему.

Кост удивленно воззрился на соратника.

– Вот ни разу не поверю, что ты проворонил...

– Нет, я ничего не проворонил, – снова не дал ему закончить Сибан, – вот только к тому моменту, как я заметил бы опасность, делать что-то совершенно точно было бы уже поздно. А парень обратил внимание, что с той стороны, с которой приближалась тварь – птицы молчат. Они ж перед рассветом, сам знаешь, как начинают гомонить. А здесь – тишина. Ну а потом мы услышали, как они еще и разлетаются. Прямо поголовно и вперемешку – сойки с вьютишками, голованами и щеглами. Одной стаей. Ну, я и...

– Это ты молодец, Сибан, – вступил в разговор Гаруз. – Я-то подумал, ты охотников засек... И ты тоже молодец, молодой. Точно всех нас спас, – командир на пару мгновений замолчал, прикидывая, а затем решительно произнес: – Коль выберемся из этой заварушки, так это, как выпустишься – ко мне в команду просись. Возьму. Так и скажешь на распределении. Мол, Гаруз обещался в команду взять. Я их предупрежу.

– Спасибо... – несмотря на темноту, все разглядели, как стажер покраснел. То ли от смущения, то ли от удовольствия. Но шутить над этим никто не собирался, ведь парень действительно вытащил их головы из пасти смерти. Что могла бы натворить Костяная гончая со спящими людьми, всем было отлично понятно.

– А откуда ты знаешь-то про тварей?

– Так нам в Гравэ курс читали. Ну, про тварей Запретной пущи. Откуда берутся, какие виды известны, особенности и так далее. А потом я еще к преподавателю отдельно подходил, спрашивал.

– Зачем?

– Ну, так интересно же. Они ж совсем другие. От обычных животных у них почти ничего не остается. Они жизненной силой питаются, а не мясом. Потому-то жертвы всегда на куски раздирают. Но сами куски, как правило, на месте побоища остаются. Не нужно им мясо. А вот боль нужна. Потому что чем с большей болью жертва убита, тем больше с нее жизненной силы твари перепадает.

Остальных передернуло. Да?а?а... не приведи Владетель такой на зуб попасться. И все невольно дали своим скакунам шенкеля, стремясь как можно быстрее отдалиться от столь страшной перспективы.

– Хотя совсем эманаций пущи, жизненная сила заменить не способна, – продолжил, между тем, стажер. – Сколько бы они этой жизненной силы не набрали – все одно сдохнут. Только попозже. Ну, если обратно в пущу не успеют вернуться. Но это вряд ли. Твари уж если покидают пущу, так обратно практически не возвращаются. Ну, нам так рассказывали...

Следующий час они все так же скакали вперед, иногда переходя на шаг, чтобы дать лошадям отдохнуть, но затем вновь пускали коней рысью. Рассказ стажера всех сильно приободрил, полностью полагаться на него было бы глупо. Несмотря ни на что, о тварях пущи ничего не было известно наверняка. И кто их знает – может как раз Костяные гончие обладают куда большим запасом этой самой эманации, и ее хватит на то, чтобы и залечить раны и догнать их. Или эта тварь по пути наткнулась на кого-нибудь и «хлебнула» от души жизненной силы.

Второй раз они увидели тварь уже перед самым полуднем. К тому моменту группа добралась до реки и, не став искать брод, быстро нарубила мечами нетолстых деревьев и связала из них два небольших плота, плавучесть которых повысили еще и несколькими надутыми воздухом бурдюками. Нагрузив на них вьюки, седла, одежду и оружие, все забрались в воду и, вместе с лошадьми, быстренько переправились на противоположный берег... Они уже оделись и почти закончили навьючивать на коней поклажу, когда те вдруг взволновались и принялись храпеть и дергать поводья. Гаруз оглянулся. На противоположном берегу реки из зарослей показалась Костяная гончая.

– Сибан, молодой, отведите лошадей, – быстро начал Гаруз, – остальные к бою!

– Что заряжать, командир? – спокойно уточнил Кост. Старшой досадливо сморщился. Особые болты кончились, а остальные... даже яд бесполезен. Твари пущи – сами по себе яд, и никакая отравка на них, как правило, не действует.

– Бронебойным заряжайте. И цельтесь по суставам. Хоть немного замедлим...

– Командир, – тихо позвал один из бойцов, – ее вроде шатает.

– После того как по ней попало полтора десятка особых болтов-то, – хмыкнул Гаруз.

– Да нет, видимых повреждений на твари я не вижу, наверное зарастила, но вот на ногах держится как-то... – он замялся, подбирая слово, но Гаруз уже и сам увидел, что с тварью явно что-то не то. Ее не только шатало, но и трясло мелкой дрожью, хотя видимых повреждений точно видно не было. Даже хвостовки болтов не торчали.

– Та-ак... – Гаруз на мгновение задумался, – отходим потихоньку к лошадям.

И они осторожно двинулись от реки, продолжая держать свои «пружинники» направленными в сторону твари. Тварь проводила их каким-то тоскливым взглядом, но в воду не сунулась. А когда они уже вскочили на коней, издала леденящий душу, но какой-то тоскливый вой и... рухнула на бок. Гаруз молча махнул рукой, отдавая команду двигаться, а когда берег реки скрылся за деревьями, тихо выдохнул:

– Похоже, ушли...

З

– Ы!

– Ай, молодец!

– Ы, ы, ы...

– А еще?

– Ы...

– А вот так...

– Ы!

- И-и... ну отлично! А теперь – мыться.

Грон повернул голову и проводил взглядом сына, которого Эмальза вела к бочке с дождевой водой. Югор шел, тяжело дыша и покачиваясь, но гордо вскинув голову и несколько картинно держа деревянный тренировочный меч. Ну как же, его похвалила сама «тетя Эмальза»! Ну и, естественно, шейкарка воспользовалась тем, что мальчишка отвлекся, исподтишка поглядывая по сторонам, и, едва только они подошли к бочке, тут же опрокинула его в воду, погрузив едва ли не по пояс.

- Ф-фыр, – сын, отплевываясь, взвился. – Тетя Эмальза!

- Что? – невинно отозвалась та. Югор сердито фыркнул, тряхнул головой и пробурчал:

- Ничего, – а потом добавил: – Я бы и сам... А теперь – вон, штаны мокрые все.

Эмальза усмехнулась и тряхнула волосами:

- Ничего, высохнут. Нашел проблему для воина...

Югор тут же надулся и горделиво покосился на отца. Мол, слышал, как тетя Эмальза меня назвала. Воин! Грон согласно смежил веки. Мол, слышал, не волнуйся...

Сведения, со всех сторон стекавшие в Агбер-порт, не радовали. В Запретной пуще явно что-то происходило. Но не только в ней – зашевелились и соседи. Непонятно почему. Не говоря уж о том, что армия Агбера по результатам последней войны явно доказала, что является лучшей в шести королевствах, союз с Насией еще и перечеркивал единственную гипотетическую возможность атаковать Агбер с хоть какими-то шансами на успех, потому что полностью исключал для Агбера войну на два фронта. А с противоположной от Насии стороны с Агбером граничил изрядно ослабленный Геноб, который бывший король Агбера так и не решился присоединить к своему королевству. Просто подержал на его территории войска, ограбил как липку и присоединил парочку пограничных графств. А потом ушел... Так что Геноб в настоящий момент вообще

не мог рассматриваться как противник... То есть, в принципе, он мог бы вступить в альянс с кем-то из более могущественных соседей, но... для королевства, находившегося в столь слабом и неустроенном состоянии это был бы весьма опрометчивый шаг. А ну как союзник, потерпев пару поражений, решит поискать добычи где-нибудь в более спокойном месте и придумает компенсировать свои потери за счет Геноба? Тем более что войска этого союзника уже будут находиться на его территории. И что тогда? Так что шансов на успешную войну с Агбером у Геноба не было. Да ни у кого не было! Даже не упоминая того, что за прошедшее после войны время Грон сумел развернуть несколько металлургических, ткацких, кожевенных и иных мануфактур. Так что и деньги на армию у Агбера были в достатке, и оружие и снаряжение у этой армии так же заметно улучшилось. И откуда такая борзость?

– Пап, а мы сегодня кататься поедем? – подбежал к нему Югор, который уже успел переодеться. Грон улыбнулся. Он старался проводить с сыном побольше времени, но это «побольше» с его режимом работы все равно составляло сущие крохи. Так что когда удавалось, он специально выкраивал целый день, чтобы побыть с сыном, порадоваться его успехам, утешить огорчения от неудач. Все-таки после гибели Мельсиль у мальчика остался только один близкий человек... нет, не так – родной, близких у него было много. Те же Эмальза с Линдэ постоянно вились над ним, будто заботливые кури... хм... орлицы, честно разделив свое внимание между отцом и сыном. Правда, только пока Грон находился в Агбер-порте. Когда он покидал его – шейкарки уезжали с ним. Напрочь игнорируя не только его намеки и уговоры, но и прямые приказы. Только язвительно улыбались, стервочки. Мол, мы не твои бойцы и тебе не подчиняемся...

– Ну, конечно! – улыбнулся Грон. – Куда поедем?

– А-а... можно к Орлиному гнезду? – к этой башне, расположенной на вершине высокой скалы, с которой море просматривалось очень далеко, вела узкая горная дорога, вернее, даже тропинка. И поэтому ранее Грон всячески противился тому, чтобы сыну позволяли ездить не только к башне, но и вообще в ту сторону – а ну как на горном серпантине пони сына испугается, и мальчик не удержится в седле? Но за последние полгода мальчишка изрядно окреп и набрал силу, да и в седле стал чувствовать себя гораздо увереннее. Так что принц-консорт Агбера решил, что сейчас степень опасности для жизни сына уже вполне допустима. Мальчику в будущем предстояло принять на свои плечи ой какое нелегкое бремя, и готовить его, воспитывать нужные черты характера,

надо было уже сейчас.

– Можно, но давай договоримся – туда ты пока будешь ездить только со мной. И ни с кем другим. Поэтому ты обещаешь, что не будешь проситься у преподавателя по вольтижировке, чтобы он устроил вашу тренировку в той стороне. И вообще никого об этом просить не будешь. Договорились?

– Да, папа, – серьезно кивнул мальчик, но тут же его лицо озарила счастливая улыбка. – Так я побежал седлать Паутинку, да?

– Ну, беги, – улыбаясь, кивнул Грон.

– У тебя растет чудесный сын, Грон, – негромко произнесла подошедшая сзади Линдэ. Грон обернулся.

– Благодаря вам, девочки.

Линдэ усмехнулась и мотнула головой.

– Нет, благодаря твоей Мельсиль, у нее оказалась очень сильная и здоровая кровь, и тебе. Мы только помогаем, – она сделала паузу, вздохнула и с тоской произнесла: – Как бы я хотела, чтобы у меня был такой же сын.

Грон стиснул зубы. Он уже давно отбивался от попыток шейкарок заставить его сделать им по ребенку. Ну не хотел он, чтобы еще какие-то его дети появились и жили в этом мире. Как минимум пока. Пока не устранена угроза со стороны Черного барона, пока он не разобрался с Владетелями, пока он не сможет гарантировать, что его детям не будет угрожать никаких иных опасностей, кроме... кроме обыденных для этого мира и этого времени в нем. Ибо в этом мире и этом времени шанс погибнуть от меча и стрелы врага, яда интриганов, кинжала разбойника и просто от отсутствия достаточного уровня медицинской помощи куда больше, чем в том, из которого он начал свое путешествие.

Однако и там тоже не сказать чтобы все так уж радостно. Он сам-то, несмотря на то, что жил во вроде как «демократическом и правовом» государстве, во главе с признанным «нашими западными друзьями» и «всемирным сообществом» самым демократическим Президентом, погиб отнюдь

не от старости, а от рук бандитов, которые пытались завладеть квартирой слабого, одинокого и никому не нужного старика. И кто ж виноват, что старик оказался не так уж и слаб, как им представлялось? Тем более что самого старика это тоже не спасло...

Так что каждому времени и месту – свои опасности. И лучшее, что мы можем сделать для наших детей – это не оградить их от них, а подготовить их для встречи с этими опасностями. Ну, если мы действительно хотим своим детям счастья и успеха в жизни, а не тешим свои собственные комплексы и не прячем за этим желанием «оградить» детей свое личное нежелание лишней раз поволноваться и напрячься.

До Орлиного гнезда они добрались только через полтора часа. Башня изрядно обветшала. После войны с Насией на входе в порт были выстроены два новых больших форта, на каждом из которых было установлено по шесть больших катапульти, метавших огромные каменные ядра почти на тысячу шагов. А кроме того Грон, припомнив историю своего мира и цепь, которой турки перегораживали вход в бухту Золотой рог, повелел сковать такую же. Пока цепь еще не была готова, но и без нее, впервые за многие и многие десятилетия, горожане смогли почувствовать себя вполне защищенными. В первую очередь, конечно, вследствие того, что Агбер нынче самое могущественное государство шести королевств.

И подтверждение этому они могли регулярно видеть воочию. Так, например, расчеты этих самых больших катапульти время от времени проводили стрельбы огромными каменными ядрами, что производило на всех – от горожан до моряков с зарубежных торговых судов – неизгладимое впечатление. Для изготовления этих чудовищных боеприпасов была нанята артель каменотесов, которая изготавливала по три ядра в неделю. По накоплении полного боезапаса, определенного в двадцать каменных ядер на орудие, все новые боеприпасы шли на пристрелку и тренировку расчетов, что позволяло производить оную тренировку не реже раза в пару месяцев на каждое орудие. А это очень сильно способствовало поддержанию требуемой боеготовности, ибо любое оружие без подготовленного и натренированного расчета/экипажа – просто бесполезная трата денег...

После окончания строительства фортов постоянный пост на Орлином гнезде сняли – особенной необходимости в нем уже не было. Опасность внезапного

налета на Агбер-порт заметно снизилась, а вероятность противодействия оному, вследствие появления новых фортов с сильными гарнизонами, наоборот, заметно усилилась. Да и доставлять сюда смену и снабжение было тем еще геморроем... Но выглядела башня до сих пор весьма грозно и величественно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/roman-zlotnikov/serdce-bashni>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)